

«Освященный собор»: к истории представлений о церковных соборах в России (Часть 1)¹

© А.О. Крылов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия
Православный Свято-Тихоновский университет, Москва, 115184, Россия

Проведен комплексный историко-семиотический анализ термина «собор» в русской церковной традиции X–XVIII вв. Доказано, что понятие «освященный собор» в допетровский период обозначало не представительный орган или институт управления, а совокупность духовенства. «Весь освященный собор» столицы во главе с первоиерархом мог призываться на совет правителя, но не представлял особой формы высшей церковной власти. Рассмотрена генеалогия концепта «собор» в общественной мысли XVIII–XIX вв. Показано, как представления о церковном соборе на Руси формировались под влиянием западноевропейских политических теорий, конфессиональной полемики и споров о национальной идентичности. Отмечено, что к 1850-м годам в России сложился концепт собора как представительного института, который отличался от исторической практики соборов XV–XVII вв. Именно этот конструкт, а не реальные исторические институты и практики, стал в дальнейшем основой для критики синодальной системы как утратившей «соборное начало».

Ключевые слова: «освященный собор», церковные соборы, церковно-государственные отношения, земские соборы, петровская церковная реформа, святейший Синод

Одной из ключевых проблем в изучении России раннего Нового времени является вопрос о преемственности между институтами XVI–XVII вв. и институтами, созданными Петром I. В исследованиях, посвященных петровской церковной реформе, этот вопрос приобрел особую остроту. В отечественной историографии и общественной мысли прочно утвердилось представление о том, что историю Русской церкви в XV–XVIII вв. следует рассматривать как процесс постепенного подчинения традиционной Церкви современному государству. Кульминацией этого процесса видится упразднение Петром I патриаршества и создание Святейшего Синода, а сама петровская церковная реформа предстает радикальным разрывом с традицией и символом окончательной победы светской бюрократии над церковной свободой.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Синодальная реформа Петра I в богословско-политическом измерении: государственное православие или православная государственность?» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Однако концепция секуляризации, лежащая в основе описанного выше нарратива, к настоящему времени дискредитирована. Это порождает необходимость пересмотреть и взгляд на церковную реформу Петра I, основанный на данной концепции [1].

Манифест Петра I определял новый орган церковного управления как «духовное соборное правительство» [2]. Между тем в исторической науке господствует представление о том, что синодальный период стал эпохой упадка *соборного начала*. Таким образом, ключевой проблемой при изучении петровской церковной реформы является не соответствие Святейшего Синода критериям аутентичного церковного собора, а то, как и когда в русской мысли сложился дискурс о соборе, в котором соборность Синода стала проблематичной.

Однако прежде чем приступить к исследованию генеалогии концепта *собор* в русской общественно-политической мысли XIX в., следует кратко рассмотреть то, какое место собор занимал в русской церковной жизни до начала XVIII в. Для этого обратимся к современной историографии, которая по ряду причин редко учитывается при оценке петровских церковных реформ.

Церковные соборы: от древности к Новому времени. В Новом Завете апостолы не раз собирались вместе для принятия важных решений: для избрания апостола Матфия на место отпавшего Иуды Искариота (Деян. 1:13–26), для избрания и поставления семи диаконов (Деян. 6:1–6) и в других случаях. Собором (σύννοδος) именуется собрание в Иерусалиме (Деян. 15:1–34 и Гал. 2:1–10), где апостолы и пресвитеры решали вопрос о том, должны ли обращенные из язычников соблюдать иудейский закон.

От середины III в. дошли первые письменные свидетельства о церковных соборах, созывавшихся для решения церковных вопросов вероучения и дисциплины. Уже в конце III в. церковные соборы апеллировали к римским властям, чтобы те обеспечили реализацию соборных решений. В 325 г. император Константин Великий созвал Вселенский собор в Никее, на котором присутствовали епископы со всех концов империи. В последующем практика созыва соборов продолжилась, причем ключевую роль играли императоры, которые приглашали епископов, присутствовали на заседаниях, а также придавали решениям соборов силу государственного закона [3].

Практика созыва церковных соборов нашла выражение в каноническом памятнике IV в. «Правила святых апостолов». 1-е правило гласит: «Епископа да поставляют два или три епископа». 34-е правило указывает: «Епископам всякого народа подобает знати перваго в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его разсуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет

единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух». 37-е правило предписывает дважды в год созывать собор епископов, «да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия и разрешают случающиеся церковные споры» [4, с. 45–47, 98–101, 104–106].

В последующие столетия соборы стали неотъемлемой частью жизни христианской Церкви. Они одновременно символически выражали церковное единство, принимали решения и вершили суд. Деяния соборов стали одним из основных источников церковного права [5, с. 213–214, 224–232]. В «Церковных историях» IV–VII вв. описания церковных соборов занимают важнейшее место [6]. Следует отметить, что в Восточной Римской империи уже с V в. упоминается «местный собор» (ἐνδημιόυσα σύνοδος), состоящий из первоиерарха Константинополя и архиереев, находящихся в настоящий момент в столице [7, с. 299]. Такой собор отличался от соборов, на которые епископов специально приглашали.

Византийское церковное право никогда не давало точного определения, что есть церковный собор и каковы его полномочия. Иначе дело обстояло на Западе, где в ходе реформ XI–XIII вв. сложилась новая экклезиология. Римские папы в XII в. начали созывать Вселенские соборы, решения которых в XII–XIV вв. и закрепили новые представления о Церкви как о корпорации во главе с монархом-папой [8]. Сведения о том, каким должен быть Вселенский собор, черпались из позднеантичных «Церковных историй» [9, с. 29], но, в отличие от соборов первого тысячелетия, теперь всеми полномочиями императора обладал римский папа. В это время в Католической церкви складывается каноническое право как особая дисциплина, для которой решения соборов были высочайшим авторитетом. Это заложило традицию историко-юридического изучения соборов как источников церковного права [10]. Католические церковные соборы эпохи Средневековья были собраниями клириков: светские правители могли участвовать в соборах, но лишь как *помощники* папы и епископов [11]. Тем самым Католические церковные соборы были формой *самообнаружения* Католической церкви, посредством которой корпорация клириков осознавала себя как единое целое, отличное от секулярного мира.

Для авторов раннего Нового времени вопрос о соборах и их роли в жизни Церкви был весьма актуален. В XV–XVI вв. римские папы вели напряженную борьбу с консилиаризмом — учением о том, что высшая власть в Церкви принадлежит Вселенскому собору, представляющему всю Церковь. Лишь в 1512 г. на V Латеранском соборе папа Юлий II добился окончательной победы над консилиаризмом и закрепил верховенство папы над собором. Вскоре после этого

Католическая церковь была потрясена Реформацией. Сторонники Реформы возлагали надежды на созыв Вселенского собора, в то время как папы, опасавшиеся возрождения консилиаризма, всемерно противились этой идее. Триденский собор все же был созван, однако его решения не смогли положить конец разногласиям. В последующие десятилетия протестанты и часть католиков считали, что решения Тридента были ангажированными и потому недействительны, в то время как католики-«паписты» настаивали на точности и обязательности соборных решений [12, pp. 137–161]. В свою очередь, протестанты видели в соборах, подобных апостольскому Иерусалимскому, альтернативу как папскому произволу, так и диктату светской власти, а потому созывали синоды, ассамблеи, конференции для совместного обсуждения вопросов вероисповедания и церковной дисциплины [13].

История Церкви как особая дисциплина сформировалась в Европе в XVI–XVII вв. и отражала те представления о церковных соборах, которые сложились на Западе к этому времени. Как будет видно далее, именно этот, западный взгляд на соборы как на церковные собрания, отличные от светских, закрепится в русской духовно-академической науке XIX в.

Понятие «собор» на Руси. Древнерусское слово *събор*, *собор* — отглагольное существительное со значением «совместное движение к единой цели».

Собор-събор могло означать процесс движения к единству. Но в этом случае оно могло происходить как от глагола *събрати* и означало тогда процесс, где нечто собирают воедино по чьей-то воле (сбор податей), так от глагола *събратися* и означало тогда процесс, когда нечто само, по своей воле собирается вместе.

Собор-събор также мог быть результатом процесса. И здесь могло иметься в виду как эвентуальное собрание вместе («на соборах и на сходах»), так и постоянно существующая совокупность всех индивидов одного рода («собор святых»). Соответственно, прилагательное *съборный*, *соборный* означало то, что относится к *собору-събору* как процессу, а также к результату процесса. *Соборным* являлось решение, которое выражало общую волю собравшихся и вместе с тем принято *собором* [14, ст. 3323, 3327, 3329; 15, с. 389; 16].

Если слово *събор* принадлежало обыденной лексике, то церковнославянское *собор* использовалось для обозначения целого ряда понятий церковной жизни, восходивших к переводам Св. Писания и Св. Предания с греческого языка. Как *собор* переводили греческое слово *συναγωγή* (*synagoge*, синагога) — собрание людей, чаще всего единых в вере; помещение для таких собраний, а также совместная молитва как общее, «соборное» действие. В некоторых переводах Нового Завета *ἐκκλησία* (*ekklesia*) переводили не как церковь, а как *собор*. Собором именуются *συνέδριον* (*synedrion*, синедрион) — высший

коллективный орган власти у иудеев. Таким образом, слово *собор* могло быть переводом понятий *σύνδοδος* (*synodos*, синод) — собрание духовных лиц для обсуждения церковных вопросов и *σύναξις* (*synaxis*, синаксис) — собрание христиан для совместной молитвы.

Прилагательным *соборный* могло называться все то, что имеет отношение к вышеперечисленным понятиям. Но как *соборный* переводилось слово *καθολική* (от *καθόλου*, *katholou* — вообще, в целом, всеобщее) — соборная церковь (*καθολικόν ἐκκλησία*, *katholikon ekklesia*) в 9-м члене Символа веры или соборная вера. Наконец, соборная церковь — это также значимая церковь города или монастыря (*καθολικόν*, кафоликон), куда для совместных богослужений собираются верующие со всего города или монахи всей обители. Часто это храм, где располагается архиерейская кафедра [14, ст. 3328; 16].

В XIV в. слово *собор* начинают употреблять для именовании «всей совокупности священства», принадлежащей к некой общности — храму (особенно соборному), городу, епархии или всей митрополии. Часто такой собор именуют «святым», «священным», позже — «освященным» или «преосвященным» (перевод греческого ἅγιος, агиа). Возможно, здесь имело место влияние византийских реалий: «великим и божественным собором» именовалось собрание константинопольского духовенства во главе с патриархом. Однако наряду со словом «собор» продолжают использоваться и перечисления различных чинов, и выражения вроде «все Божие священство» [15, с. 389–395]. В XIV–XV вв. в Новгороде и Пскове складывается так называемая соборная организация белого духовенства: клир городских храмов был объединен вокруг соборных церквей в *соборы*, находившиеся под патронатом концов, улиц, купеческих объединений и боярских родов [17, с. 394–295].

В начале XVI в. складывается формула «архиепископы, епископы, игумены и весь освященный собор», где «освященный собор» означал «все прочие клирики» или белое духовенство [15, с. 392].

С середины XVII в. все чаще будут употребляться выражения «духовный чин», куда включаются архиереи, монашествующие, белые священники и диаконы, церковный притч [18, с. 304–306].

Таким образом, слово *собор* в X–XVIII вв. означало множество понятий, иногда близких по значению, иногда — весьма отличных. При этом слово *собор* имело устойчивые церковные коннотации. Совещания светских лиц чаще именовали *советом* или *синклитом*, и если источники именуют некое собрание собором, то в его составе всегда присутствуют клирики, т. е. представители «освященного собора».

Соборы на Руси в XI–XIV вв. В Древней Руси единственным источником законодательной власти был князь. В церковных делах за архиереями безусловно признавалась власть сакраментальная и учительная, однако дисциплинарную власть епископ осуществлял лишь

в той мере, в какой ее делегировал правитель. Поэтому архиереи выполняли в основном литургические функции, а князья выступали верховными попечителями всех церковных институтов, от епископских кафедр до приходских храмов. Отдельного аппарата церковного управления, независимого от княжеской администрации, не существовало.

Первоиерархом Русской митрополии был митрополит, который, за редчайшими исключениями, был византийцем, назначался в Константинополе и сохранял статус подданного императора. Его первенство выражалось в праве хиротонии епископов, суда над ними в пределах митрополии и обращения с учительными посланиями ко всей Руси. Однако в административных вопросах (например, избрание епископа или создание епархии) митрополит следовал воле князей. Как митрополит, так и другие архиереи редко покидали свои епархии. Совместные собрания нескольких епископов происходили лишь эпизодически, для совершения хиротонии [19, с. 6–17]. Таким образом, в домонгольский период в Русской митрополии не существовало институтов высшего церковного управления.

Известны лишь два случая созыва архиерейских соборов для избрания митрополита без обращения в Константинополь: при Ярославе Мудром в XI в. для хиротонии свт. Илариона и в 1147 г., когда князь Изяслав желал возвести на митрополию Клим Смолятича. В последнем случае новгородский епископ Нифонт отказался участвовать, утверждая, что законный собор может быть только патриаршим. Сведений о соборных судах над епископами или священниками в этот период нет [20, с. 12, 14].

Древнерусское право не знало понятия «Церковь» как единого юридического лица или корпорации. Субъектами правоотношений были конкретные лица и институты — архиерейские кафедры, монастыри, храмы. Не сложилось общей социальной категории, аналогичной позднему «духовенству». Все эти институты понимались как части целого, возглавляемого князем [20, с. 9–53]. Потому церковное право не выделялось из общего княжеского законодательства. Князья признавали за епископами право применять нормы византийского канонического права, для чего создавали переводы соответствующих сборников. Памятниками местного церковного права были княжеские уставы, а также правила и послания архиереев.

Во второй половине XIII — первой половине XIV в. ослабление княжеской власти в результате монгольского нашествия привело к росту политического влияния киевского митрополита. Первоиерарх стал самостоятельной силой, поддерживавшей дипломатические отношения с Византией, Ордой и Литвой и отстаивавшей общерусские интересы в отличие от склонных к партикуляризму князей.

В данный период появляются элементы особой церковной администрации: соборный клирос, институт десятильников, владычные наместники. По образцу княжеских дворов митрополит и архиереи создают собственные служилые корпорации. Характерной чертой этих институтов было участие в них мирян — как десятильников, так и наместников. Власть иерархии над клиром усилилась, однако корпорация духовенства, четко отделенная от государства и общества, не сложилась.

Со второй половины XIII в. основным источником русского церковного права становится Кормчая книга, включавшая в себя переводы византийского законодательства, каноны и русские юридические памятники. Существовали различные редакции Кормчей [21, с. 42–44]. К этому периоду относится и первое свидетельство о дисциплинарных постановлениях, принятых собором архиереев 1273/1274 гг., хотя обстоятельства и состав этого собрания не позволяют назвать его собором митрополии в духе 37-го апостольского правила [22].

В XIV в. митрополит не противостоял усиливавшемуся великому князю, а, напротив, способствовал его возвышению. Проблемы возникли лишь в периоды внутренней борьбы в Византии. Уже с конца XIV в. митрополичий двор начинает сближаться с институтами управления Великого княжества Московского: на митрополичьем дворе служили бояре, подобранные великим князем. Само великое княжение стало осмысляться как царская («императорская») власть, а не просто княжеская («архонтская»). Хотя «Устав Владимира» закрепил судебную власть епископа над клириками своей епархии, князья нередко выдавали «несудимые грамоты», изымавшие отдельных лиц или учреждения из-под юрисдикции архиерея и подчинявшие их непосредственно князю [19, с. 61–68, 92–96].

Соборы в России XV–XVI вв. Во второй половине XV в. политическое влияние митрополитов резко ослабло. Единая Русская митрополия разделилась: епархии Великого Княжества Литовского обособились, а автокефалия Московской церкви привела к разрыву отношений с Константинополем.

Московские великие князья, объединив северо-восточные русские земли и приняв титул «всея Руси», взяли на себя ту роль общерусской политической силы, которая с конца XIII в. принадлежала митрополитам. Они стали верховными патронами Церкви в своих владениях и покровителями митрополичьей кафедры. Патронат местных удельных князей над епископскими кафедрами постепенно сходил на нет, хотя патронат над монастырями сохранялся дольше (что видно, например, из конфликта вокруг Иосифа Волоцкого, искавшего у великого князя защиты от своего локального патрона). Как патроны митрополии, великие князья возводили на кафедру своих кандидатов и могли «намякнуть», что пора уходить на покой. Значительная часть московских митрополитов оставили кафедру по политическим

мотивам. Переговоры с римским папой и константинопольским патриархом теперь вели непосредственно правители, а не первоиерархи.

Митрополичий административный аппарат трансформировался вслед за великокняжеским, но оставался сравнительно небольшим. Власть митрополита фактически ограничивалась его собственной областью, а епархиальные архиереи были самостоятельны в управлении своими епархиями [19, с. 97–101; 23–25]. Хотя в XVI в. митр. Даниил составил сводную Кормчую, в епархиях продолжали использовать иные редакции Кормчей книги [21, с. 121–127].

В столице постоянно проживали митрополит и архиепископ Крутицкий, исполнявший роль викария первоиерарха. Вместе с настоятелями и насельниками московских монастырей, а также представителями столичного белого духовенства они составляли «освященный собор» Москвы. К «освященному собору» причислялись и оказавшиеся («прилучившиеся») в столице в данный момент иногородние иерархи, и настоятели монастырей как из других русских епархий, так и из иных поместных церквей. Таким образом, когда источники упоминают о решении, принятом митрополитом «со всем освященным собором», имеется в виду совокупность всего духовенства, находившегося в тот момент в столице (как и византийский ἐνδημοῦσα σύνοδος).

Поскольку для совершения епископской хиротонии требовалось не менее трех архиереев, а в Москве постоянно жили лишь двое, государь регулярно приглашал в столицу епархиальных архиереев и настоятелей важнейших монастырей. Их проезд и проживание обеспечивала государева казна. Путешествие было трудным и дорогим, и даже получив приглашение, некоторые иерархи могли от него отказаться. Чаще всего иногороднее духовенство собиралось в Москве в конце осени — начале зимы: это позволяло гостям приехать по санному пути и вернуться в свои епархии к Пасхе. На этот период обычно планировались архиерейские хиротонии. Лишь в чрезвычайных случаях монарх мог созвать духовенство в иное время — для благословения важного политического акта, обсуждения общегосударственных вопросов или срочного замещения кафедры. Редко кто из приглашенных задерживался в столице более двух-трех месяцев [26; 27, с. 69–72; 28].

Со временем сложился перечень церковных постов, чьи обладатели имели преимущественное право участвовать в обсуждении вопросов общероссийского значения. От 1560–1570-х годов сохранился список епископских кафедр и 39 важнейших монастырей в порядке старшинства. К концу столетия оформилась «Лествица соборных властей», включавшая первоиерарха, архиереев, настоятелей ключевых монастырей и «соборных старцев» из наиболее чтимых обителей. Древнейший из сохранившихся списков такой «Лествицы» датируется 1598/1599 годом [27, с. 71]. Важно подчеркнуть, что этот документ определял не фактический состав конкретного собора, а круг

лиц, имевших право участвовать в решении общегосударственных церковных дел.

Власть и авторитет первоиерарха, действующего «со всем освященным собором», были необходимы для решения ключевых вопросов церковной и государственной жизни.

1. *Замещение архиерейских кафедр.* Важнейшей функцией было участие в замещении архиерейских кафедр, включая митрополицию. Царь предлагал кандидатуру, соответствовавшую каноническим нормам, а митрополит совместно с «освященным собором» совершал хиротонию. Таким же образом, с участием государя и всего духовенства, происходило поставление и смещение архиереев, включая добровольный уход на покой или отстранение по судебному решению.

2. *Легитимация государственной власти.* «Весь освященный собор» играл ключевую роль в легитимации династических и властных актов. Он участвовал в венчании на царство (Ивана IV в 1547 г., Федора Ивановича в 1584 г.), благословлял лишение прав наследника (Дмитрия-внука в 1502 г.), а также утверждал царские разводы и новые браки (Василия III, Ивана IV).

3. *Участие в важнейших государственных событиях.* «Весь освященный собор» молитвенно участвовал во всех значимых событиях общегосударственного масштаба: от освящения храмов и встреч царя из походов до обсуждения важнейших политических решений. Благословение «всего освященного собора» было особенно необходимо для легитимации чрезвычайных мер, нарушавших привычный порядок, таких как крупные военные походы или изъятие церковных земель. Иван IV особенно часто прибегал к этой практике, что затрудняет для исследователей четкое разграничение «земских» и «церковных» соборов того времени.

4. *Решение вопросов церковного устройства и дисциплины.* Государь обращался к собору по вопросам внутреннего церковного устройства: учреждению новых епархий, дарованию монастырям статуса архимандрии, освящению храмов и установлению почитания святых. Особым случаем были суды над обвиняемыми в ереси, которые также выносились на рассмотрение «всего освященного собора» (1490, 1504, 1525, 1530, 1553, 1554 гг.). Зачастую это не было отдельным «собором на еретика»: архиереи и настоятели, собравшиеся в столицу по другим делам (например, для зимних хиротоний), попутно рассматривали и эти вопросы.

5. *Политическое посредничество.* В периоды кризисов митрополит и «весь освященный собор» выступали посредниками между царем и политической элитой, способствуя диалогу и снижению напряженности. Через поручные и крестоцеловальные записи собор выступал гарантом лояльности опальных бояр и князей, беря их «на поруки».

Таким образом, «освященный собор» не был постоянным институтом с фиксированным составом и полномочиями. Формула «и весь освященный собор» обозначала текущую совокупность духовных лиц, присутствовавших в Москве, — от узкого круга столичного духовенства до почти всех архиереев страны. Его авторитет был необходим для сакрально-правового оформления ключевых решений как в церковной, так и в государственной сфере. При этом традиция предписывала, чтобы государь действовал в согласии со «всем освященным собором» и прислушивался к его советам. В свою очередь, архиереи и патриарх лишь давали совет правителю, какие законы тот должен принять. Подробности достижения компромисса оставались в тени и редко попадали на страницы дошедших до нас источников. Впрочем, так обстояли дела и с отношениями монарха и Боярской думы.

Соборы в Русской церкви конца XVI — начала XVII в. Учреждение патриаршества в России произошло на соборе 1589 г., в котором участвовал Константинопольский патриарх Иеремия II. Это решение впоследствии было подтверждено Константинопольскими соборами 1590 и 1593 гг. [29].

Политический кризис конца XVI — начала XVII в. был связан с кризисом легитимности, а потому «весь освященный собор» созывался в Москве гораздо чаще, чем ранее. В 1598 г., после кончины царя Федора Иоанновича и отказа от власти его вдовы Ирины, вопрос о престолонаследии был решен собором, собравшимся в патриаршей Крестовой палате. Позднее, в 1606 г., собор утвердил на царстве Василия Шуйского. После смерти патриарха Гермогена в 1612 г. патриаршая кафедра оказалась вакантной. Первым лицом «междупатриаршества» стал митрополит Крутицкий. Собор 1613 г., избравший на царство Михаила Романова, также включал в свой состав «весь освященный собор» архиереев и монашествующих [30, с. 65–146].

В 1619 г. патриархом Московским был поставлен Филарет (Романов), отец царя Михаила Федоровича. Получив титул «великого государя», Филарет стал вторым лицом в государстве, а потому активно участвовал во внутренней и внешней политике. В 1620 г. именно патриарх (а не царь) созвал собор о перекрещивании католиков («латинян»). Собор постановил, что католическое крещение является недействительным («нестъ крещение, но паче осквернение»). Деяния собора были включены в печатные Требники 1624, 1639 и 1651 гг. [31, 32].

В Западнорусской митрополии, оказавшейся в составе Великого княжества Литовского и затем Речи Посполитой, сохранялась древнерусская модель отношений, но при неправославном верховном патроне (короле). Это вынуждало иерархию решать многие вопросы

самостоятельно. Архиереи собирались для хиротоний и избрания митрополитов, кандидатуры которых, однако, указывались королем. Известны соборы 1509 г. митр. Иосифа (Солтана), где решались вопросы церковной дисциплины, и собор 1546 г., созванный по воле короля Сигизмунда I [19, с. 104–110].

К концу XVI в. ситуация изменилась. После визита патриарха Иеремии II в 1586–1589 гг. в Киевской митрополии началась активная борьба за церковную дисциплину, в которой ключевую роль играли братства мирян. В 1590–1594 гг. в Бресте прошел ряд соборов, на которых углублялся конфликт между архиереями и братствами. Кульминацией стали два параллельных собора в Бресте в октябре 1596 г.: один, созванный митрополитом, провозгласил унию с Римом; другой, созванный патриаршим экзархом, низложил униатских епископов. После того как в 1620 г. патр. Феофил III восстановил православную иерархию, практика созыва соборов в Киевской митрополии стала регулярной. Митрополиты теперь всегда избирались на «элекцийных» соборах. В 1629 г. митрополит Иов (Борецкий) созвал собор для обсуждения унии, однако собор был досрочно распущен по требованию запорожских казаков. В 1640 г. свт. Петр (Могила) созвал собор для утверждения «Исповедания веры» и решения дисциплинарных вопросов [33–35].

Соборы при царе Алексее Михайловиче. Царствование Алексея Михайловича стало эпохой, когда «весь освященный собор» собирался в Москве почти ежегодно. К правлению Алексея Михайловича относится установление практики «чередных» архиереев, когда царь особым указом вызывал владыку «на чреду служения» в столицу примерно на год. Чаше приглашали архиереев из близких к Москве епархий, реже — из отдаленных; сибирских митрополитов вызывали в исключительных случаях [26, с. 27–29]. Также в столице часто находились иерархи и клирики с православного Востока, прибывавшие за царской милостыней. Таким образом, в Москве постоянно находилось пять-семь архиереев, которые служили в столичных храмах, участвовали в хиротониях и обсуждали важные церковные вопросы, при этом «весь освященный собор» представлял не только духовенство России, но и весь православный мир.

Царь Алексей Михайлович гораздо чаще, чем его предшественники, обращался к *соборам* для решения вопросов церковной дисциплины и богослужения. В 1649 г. царь созвал «собор всея земли» для обсуждения нового свода законов, в работе которого участвовал патриарх «и весь освященный собор». Итогом заседаний стало Соборное уложение, многие статьи которого напрямую касались церковных дел [36, 37]. Вслед за этим на Московском печатном дворе началась работа над печатной Кормчей книгой, изданной в 1653 г. уже при патриархе Никоне [38]. В ее основу легла Даниловская Кормчая, дополненная

новыми текстами (включая «Сказание о установлении патриаршества в России»), однако памятники собственно русского церковного права в нее включены не были [21, с. 206–249]. С 1649 г. по воле царя патриарх «со всем освященным собором» почти ежегодно обсуждал вопросы богослужения и дисциплины. Деяния соборов наряду с ответами восточных патриархов на соборные обращения были включены в сборник «Скрижаль» [39].

Зимой 1660 г. царь созвал «весь освященный собор» для рассмотрения дела патриарха Никона, который в 1658 г. оставил кафедру, но не отказался от сана. Собор утвердил низложение Никона, но выявившиеся канонические сложности заставили обратиться к авторитету восточных патриархов. Большой Московский собор 1666–1667 гг. стал самым представительным в истории Русской церкви. На нем присутствовали царь, два восточных патриарха лично и два через представителей, а также множество русских и восточных архиереев и клириков. Собор опирался на византийское церковное право и отменил ряд решений прежних русских соборов (1503, 1551, 1620 гг.), особенно резко осудив ряд решений «Стоглава» как принятые «неразумно, простотою и невежеством» [40, с. 203–226; 41; 42].

В 1675 г. по воле царя патриарх Иоаким «и весь освященный собор» рассмотрели текст архиерейского чиновника. Собор принял решения, регламентировавшие внешние отличия и преимущества патриарха, митрополитов, архиепископов и епископов при богослужении, что окончательно закрепило иерархическое возвышение патриарха. Деяния собора были изданы в составе архиерейского чиновника в 1677 г. [43, с. 527–530].

В 1676 г. царем стал Федор Алексеевич. До совершеннолетия монарха патриарх Иоаким решал важные вопросы церковной дисциплины «со всем освященным собором», т. е. с теми архиереями, которые в данный момент находились в Москве. Осенью 1681 — зимой 1682 г. Федор Алексеевич созвал «собор всея земли» для обсуждения государственных преобразований. Патриарх и «весь освященный собор» участвовали в его работе. Более того, именно твердая позиция патриарха помешала проведению ряда реформ. В начале 1682 г. царь представил «всему освященному собору» письменные вопросы по церковному управлению, но получил «соборный ответ», отклонивший большинство предложений. Соборные ответы остались в рукописи, так как в апреле 1682 г. царь скончался [44, с. 397–409].

В 1682 г. на престол вступили малолетние цари Петр и Иван. В 1685 г. по воле царей в Киеве был созван собор, избравший митрополитом Гедеона (Святополк-Четвертинского), который затем был утвержден в Москве. В 1686 г. Константинопольский патриарх формально передал Киевскую митрополию в юрисдикцию Московского патриарха. Известно, что патриархи Иоаким (до 1690 г.) и Адриан

(1690–1700) вместе со «всеом освященным собором» устраивали суд по важным дисциплинарным делам (свт. Симеон Смоленский, иг. Сильвестр Медведев, Петр Артемьев, Палладий Роговский). Состав этих собраний ограничивался московским духовенством, «прилучившимися» и «очередными» архиереями [44–46; 47, с. 139–142; 48–50].

После смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр I не стал созывать архиерейский собор для избрания нового предстоятеля. Патриаршим местоблюстителем стал митрополит Стефан (Яворский), а администрация Патриаршей области была передана Монастырскому приказу во главе с И.А. Мусиным-Пушкиным. Практика вызова «чередных архиереев в Москву сохранялась. Митр. Стефан Яворский «со всем освященным собором» совершал суд по важным вопросам церковной дисциплины (Г. Талицкий, еп. Игнатий Тамбовский, митр. Исая Нижегородский, Д. Тверитинов сотоварищи) [44; 47, с. 142–147; 51, с. 134–158; 52; 53].

В 1718 г. Петр I начал разработку масштабной реформы церковного управления, итогом которой стал «Духовный регламент» (1721). Царь упразднил патриаршество и передал полномочия первоиерарха новому институту, получившему имя «Святейший Синод». Синод представлял собой высший коллегиальный орган церковного управления и был осмыслен и институционально оформлен как церковный собор, подобный древним соборам, но «всегдашний» [54].

Духовный регламент специально указывал, что всякий епископ должен иметь у себя постановления Вселенских и поместных соборов [2, с. 11], что продолжало общую тенденцию византизации русского церковного права. Этот «канонический классицизм» определил развитие церковного права в Российской империи.

При этом в области церковного управления Святейший Синод не просто заменил собой патриарха (который управлял лишь патриаршей областью) или «освященный собор» (который никогда не был институтом управления), а стал совершенно новым явлением, так как:

- 1) был органом высшего церковного управления, чьи полномочия распространялись на всю епархию;
- 2) представлял собой постоянно действующий институт, обладавший собственным аппаратом;
- 3) был законодательно отделен от прочих органов государственного управления, подчиненных Сенату.

Члены новообразованного Синода в своем обращении к императору подчеркивали, что новая институция имеет «честь, силу и власть патриаршескую, или едва и не большую, понеже Собор» [54, с. 498]. Действительно, Святейший Синод в Российской империи исполнял те же функции, что патриархи «и весь освященный собор» в России XV–XVII вв.: замещение архиерейских кафедр, легитимация верховной

власти, молитвенное участие в важнейших государственных событиях, решение вопросов церковного устройства и дисциплины.

Решительно исключались лишь политическое посредничество между царем и аристократией, что и стало в дальнейшем одной из причин критики Синода. В отличие от Западной Европы, в России с XVI в. епископат почти не пополнялся выходцами из знатных родов. Архиереи редко выступали в политической борьбе как самостоятельная сила, обычно присоединяясь к той или иной придворной «партии». Митрополиты, а затем и патриархи не могли полностью избежать участия в придворных интригах, но лишь немногие, такие как патриархи Филарет, Никон, Иоаким и Адриан, играли в них активную роль. Показательно, что политическое влияние Никона, выходца из крестьян, вызывало у боярства резкое отторжение, тогда как дворянин Иоаким чувствовал себя в придворной среде вполне уверенно. Активная политическая деятельность патриархов Иоакима и Адриана, поддержавших оппозицию монарху в 1680–1690 гг., была важнейшей причиной, по которой Петр не решился избирать нового патриарха после 1700 г. [55].

Синод в династических кризисах 1720–1730-х годов. На протяжении всего царствования Петра I отношения монарха с аристократией оставались напряженными. В 1710–1718 гг. Сенат, где преобладали представители родов Долгоруковых и Голицыных, вступил в острый конфликт с митрополитом Стефаном (Яворским) по делу Д. Тверитинова. Этот спор, по сути, касался границ юрисдикции церковного и светского суда [53]. После смерти царевича Алексея Петровича его сторонники сформировали «партию», поддерживавшую права на престол сына царевича, Петра Алексеевича (будущего Петра II). Церковная реформа Петра I во многом стала ответом на дело царевича Алексея (судебного процесса по делу старшего сына Петра I) и была направлена на то, чтобы лишить аристократическую оппозицию возможности использовать церковные институты в борьбе за престол.

Стоит отметить, что отличительной чертой сторонников Алексея Петровича и Петра Алексеевича были католические симпатии и связи с Францией и Речью Посполитой. Еще в XVI–XVII вв. католицизм в России ассоциировался с «вольностями» польской шляхты. В петровскую эпоху вхождение русского дворянства в европейское культурное пространство породило не только «филокатолицизм» — симпатию и покровительство католикам без перемены веры, но и отдельные случаи сознательного обращения, несмотря на жесткие запреты [56, с. 442, 443; 57, с. 49, 50, 243–245].

В 1725 г. именно позиция Синода и лично архиеп. Феофана (Прокоповича) обеспечила передачу трона Екатерине I, что сразу сделало синодальное устройство препятствием для аристократических группировок. В 1727 г. А.Д. Меншиков и Д.М. Голицын, стремясь

передать престол Петру II, через Верховный тайный совет реформировали Синод, введя в его состав лояльных себе архиереев. После воцарения юного императора вельможи планировали возвести в патриархи Георгия (Дашкова). Затем власть перешла к Долгоруким, которые открыто покровительствовали католикам и даже вынашивали планы заключения унии с Римом через поставление соответствующего патриарха.

Главным препятствием для этих планов оставался Феофан Прокопович. Против него велась кампания по дискредитации, где обычным аргументом были обвинения в ереси — то в протестантизме, то в тайном католицизме, которые активно выдвигал архимандрит Маркелл (Радышевский). Примечательно, что в этой критике вовсе не обсуждалось соответствие Синода соборному идеалу; спор шел исключительно об избрании патриарха. В свою очередь, Феофан (Прокопович) сыграл ключевую роль в провале «затейки верховников» в 1730 г., что позволило Анне Иоанновне стать самодержавной императрицей [58, 59].

В 1741–1742 гг. ученое духовенство во главе со Святейшим Синодом сыграло ключевую роль в легитимизации власти Елизаветы Петровны, пришедшей к престолу в результате переворота. Проповедники прославляли императрицу за то, что она мужественно вернула себе законный престол, спасая Россию и Православную церковь от тирании иноземцев. Желание «дщери Петровой» продолжать политику отца представлялось как возвращение времен, когда государи заботились о русских людях и русской вере — Православии. Таким образом, уже в первые месяцы своего правления Елизавета Петровна одновременно подчеркивала свою верность наследию Петра Великого и демонстрировала личное благочестие и заботу о Церкви.

Перед коронацией Елизаветы Петровны члены Святейшего Синода митр. Арсений (Мацеевич) и архиеп. Амвросий (Юшкевич) приняли последнюю попытку добиться избрания патриарха. Архиереи подали императрице «Записку о благочинии церковном». В первой части записки обосновывалась необходимость восстановления патриаршества: автор подчеркивал апостольское достоинство епископов, а синодальное правление объявлял не имеющим законных оснований и унижительным для епископского сана. Вину за отмену патриаршества авторы возлагали на «еретика» Феофана Прокоповича, который «ввел в заблуждение» Петра I. Синод характеризовался как учреждение, заимствованное у «нынешних иностранных государств», с отчетливым «протестантским духом», а его создатель обвинялся в желании «беспоповщину... завести». Эта аргументация во многом воспроизводила тезисы Маркелла Радышевского 1730-х годов [59, с. 529–537]. Однако Елизавета Петровна, ознакомившись с запиской, не пожелала пересматривать сложившуюся модель церковного управления. Тем самым вопрос об избрании патриарха в первой половине XVIII в. был

тесно переплетен с династической и политической борьбой, но никак не связан с богословскими дискуссиями о принципе соборности.

«Освященный собор» — не институт. Таким образом, понятие «собор» и в особенности «освященный собор» вплоть до XVIII в. чаще означало не эвентуальное собрание, а всю совокупность клира.

В Древней Руси архиереи съезжались вместе для совершения епископской хиротонии, однако нет никаких сведений о собраниях епископата всей Русской митрополии, которые бы соответствовали провинциальным синодам 37-го апостольского правила. Митрополит не обладал особыми органами управления, занимавшимися делами прочих епархий, кроме митрополичьей области. Вопросы церковной дисциплины с X в. находились во власти князя, который делегировал часть своих полномочий архиереям, в том числе суд по определенным делам.

С XV в. великие князья московские начинают созывать выдающихся клириков со всего государства для обсуждения важных дел. Эти совещания были продолжением практики расширенного совета правителя, а не особым церковным институтом. Суждения «всего освященного собора» носили рекомендательный, а не обязывающий характер. Однако принять решение в церковных делах вопреки мнению собора правитель не мог. Клирики, призванные на совет к монарху, являли собой «весь освященный собор русской митрополии» (позднее — патриархата), но не были представителями социальных групп или выразителями интересов Церкви как корпорации, отличной от государства. Правитель по своему усмотрению мог обращаться за советом как к клирикам, присутствующим в настоящий момент в столице, так и специально приглашать в Москву епархиальных архиереев и авторитетных монахов. В Киевской митрополии, где не было православного правителя, митрополиты сами созывали поместные соборы согласно 37-му апостольскому правилу. Однако с конца XVI в. значительную роль в соборах митрополии играли миряне, а с середины XVII в. — русский царь.

Патриарх мог собирать «весь освященный собор» для суда по важным делам, относящимся к церковной дисциплине Патриаршей области. Однако такие собрания следует рассматривать в контексте архиерейского суда.

Главной новацией петровской церковной реформы было не отказ монарха от избрания патриарха, а учреждение Святейшего Синода как высшего органа управления церковными делами. Для решения задач, поставленных в «Духовном регламенте», монарх делегировал новому институту еще больший объем своей власти в общегосударственном масштабе, чем его предшественники делегировали ранее епархиальным архиереям и первоиерархам. Потому Синод обладал

большей административной властью, чем патриархи XVII столетия, но его возможность влиять на политические вопросы была ограничена сакральной легитимацией власти монарха.

Петровская церковная реформа стала не этапом в подчинении изначально автономной Церкви светскому государству, а наоборот, шагом на пути формирования духовенства как особой корпорации, обладающей своими корпоративными институтами. Этот вывод может показаться парадоксальным, так как противоречит авторитетному нарративу о церковно-государственных отношениях в России. Чтобы подтвердить или опровергнуть данный вывод, необходимо исследовать, как сложился этот авторитетный нарратив, т. е. когда и почему Синод стал рассматриваться как институция, противоречащая *каноническому* принципу *соборности*.

Соборы в светской мысли XVIII в. Для России XVIII в. стал эпохой коренного перелома, сформировавшей новое общественное самосознание. Стремление к культурному сближению с Западом в гражданской сфере и с Византией — в церковной обострило вопрос о национальной самобытности. Это породило устойчивую идеологическую оппозицию «древней» и «новой» России, ставшую движущей силой общественной мысли столетия. Уже в последние годы правления Петра Великого начала складываться историческая концепция, основанная на этом противопоставлении. Одни авторы, такие как А.А. Матвеев, видели в Петре восстановителя самодержавия, покончившего со смутой. Другие, как князь А.Б. Куракин, идеализировали допетровские времена как эпоху достоинства знатных родов [56, с. 445–450]. В правление Елизаветы Петровны воспоминания о «затейке верховников» и «бириновщине» [60, с. 6, 7] и прославление «дщери Петровой» как продолжательницы дела Петра I [61, с. 63–94] добавляли новые краски к этой картине.

Восприятие иностранцами петровской церковной реформы формировалось не столько реальными событиями, сколько сложившимся историческим образом России, восходящим к античным стереотипам о «северных варварах» и «азиатском деспотизме». Средневековые добавило к этому богословское отторжение «схизматиков» и представление о православных как предателях христианского дела. В эпоху Возрождения Россия виделась гуманистам двойственно: то как союзник против турок, то как «северная угроза». Конфессиональные противоречия XVI–XVII вв. также наложили свой отпечаток: католики колебались между надеждой на церковную унию и осуждением «греческой схизмы», протестанты сочувствовали независимости православных от папы, но презирали многие православные обряды как суеверие. В итоге для европейской мысли Россия оставалась хрестоматийным примером страны с неограниченной властью монарха, в том числе и в церковных делах [62, с. 73–136].

Потому в XVIII в. иностранные авторы изображали Петра I деспотом, создавшим могущественную державу на месте варварской Руси, а петровскую церковную реформу рассматривали через призму своих конфессиональных убеждений — как шаг на пути Реформации (протестанты) или, напротив, проявление властолюбия светского правителя (католики) [63]. Распространение французской культуры в форме рационализма или католицизма все больше сближало воззрения представителей русского образованного общества на Русскую церковь с иностранным взглядом.

В середине XVIII в. масонство стало основной формой идейной и политической организации российского дворянства. В 1770-х годах российское масонство разделилось на два направления, одно из которых поддерживало Екатерину II и Г.А. Потемкина, а другое — наследника Павла Петровича, считавшегося законным правителем, лишенным трона.

Те, кто поддерживал политику Екатерины II, описывали Петра I как предшественника императрицы и сторонника «просвещенного деспотизма». В этой среде распространялись и сочинялись *анекдоты* о Петре I, который грубо обращался с суеверным и властолюбивым духовенством [61, 64, 65]. Консервативное, «правое» масонство противопоставляло деспотизму и безнравственности Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II патриархально-аристократические времена русской старины и проявляло большой интерес к истории [61, 66]. Таким образом, «открытие» Древней Руси историками XVIII в. было неразрывно связано с ее прежним образом как альтернативой существующим порядкам.

В кругу московских розенкрейцеров были выработаны установки, которые позднее легли в основу русского консерватизма XIX столетия: приверженность сакральной монархии, критика рационализма Просвещения и интерес к мистицизму. Князь М.М. Щербатов в работе «О повреждении нравов в России» (1786–1787) впервые представил развернутую критику петровских преобразований. Признавая государственные и военные успехи Петра, он обвинил реформатора в подрыве духовных и нравственных основ общества. Уважение к Православной церкви в среде «правого» масонства сочеталось с презрением к тем иерархам, которые поддерживали монарха. Так, князь М.М. Щербатов резко отрицательно относился к архиеп. Феофану Прокоповичу, но церковную реформу Петра рассматривал как необходимый шаг в борьбе с суеверием и невежеством. В таких личностях, как архиеп. Феофилакт Лопатинский и митр. Арсений Мацеевич, розенкрейцеры видели мучеников, пострадавших от деспотизма [67].

Соборы и петровская реформа глазами ученого духовенства.

Петровская церковная реформа стала важным шагом на пути формирования духовенства как особой сословной группы. Это отразилось в лексике: в XVIII столетии на смену выражениям «освященный собор» и «духовный чин» приходит заимствованный из польского языка термин «духовенство» [18, с. 306, 307], хотя формула «и весь освященный собор» сохранялась в церковной риторике. В «Церковном словаре» прот. Петра Алексеева автор уверенно пишет: «Собор ни что иное как собрание. Например собор 318 святых отец что в Никее против Ария и проч. Соборы иные вселенские, в кои от всех стран собирались епископы и пресвитеры для суждения о делах церковных, а иные поместные, где моя страны архиерей со своими священнослужителями присутствует для какой-либо надобности церковной. Сие же речение придается храму на службу Божию посвященному, по числу многих священно и церковно-служителей к нему определенных, также по всеобщем собраниям для молебствия там бываемым. Сверх сего Собор иногда пресвятой Богородице, Михаилу и Гавриилу Архистратигу восписывается вместо праздника, на прим. Декабря 26, ноября 8 числ.» [68, с. 310]. В свою очередь, Синод определялся словарем как «собор, собрание» [68, с. 334].

Противостояние между общественно-политическими направлениями проявлялось среди ученого духовенства. Московский протоиерей Петр Алексеев, по желанию князя Г.А. Потемкина, написал «Краткую церковную историю», которая не была доведена до Петра I и к тому же осталась в рукописи. Однако в других сочинениях протоиерей сравнивал императора с Константином Великим [69].

Митр. Платон Левшин, законоучитель Павла Петровича, долгие годы занимал московскую кафедру и находился в дружественных отношениях с розенкрейцерами, но не вступал в конфронтацию с императрицей. Владыка заботился о сохранении московских традиций, по его инициативе в Троицкой семинарии велось расширенное изучение церковного права с привлечением греко-латинских изданий деяний Вселенских соборов [70]. Уже на закате своих дней митрополит Платон (Левшин) написал «Краткую российскую церковную историю» (1805). Владыка довел повествование до учреждения Синода в 1721 г., однако воздержался от разговора о событиях начала XVIII столетия [71]. Несмотря на явное сочувствие автора патриархам XVII в., соборам в его труде не уделяется специального внимания. Митрополит в основном пересказывал источники, употребляя термин «собор» в тех же значениях, что и оригинальные тексты: до XVI в. — как совокупность духовенства («митрополит и весь освященный собор»), а в XVII в. — в смысле собрания архиереев для обсуждения церковных дел.

Специальное внимание русской церковной истории в это время уделялось преимущественно в полемической литературе. Если старо-

обрядцы отстаивали авторитет Стоглавого собора, то православные полемисты апеллировали к высшему авторитету Большого Московского собора 1666–1667 гг. Старообрядцы стремились доказать древность своих обычаев, а их оппоненты — связать эти обычаи с ересями, осужденными еще в Древней Руси. Сочинения Феофилакта (Лопатинского) [72] и Платона (Левшина) [73] рассматривали русские соборы XVI–XVII вв. преимущественно в контексте соотнесения местных традиций с общецерковными канонами. Напротив, работа миссионера А.И. Журавлева (1795) представляла историю старообрядчества как единый процесс, который вел от языческих волхвов и еретиков-стригольников к согласиям XVIII в. [74].

Особое место в полемике со старообрядцами занимал собор «на Мартина Армянина» 1157 г. Ранее на соборе 1656 г. двуперстие было названо «армянским» обычаем. Митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) в «Посланиях на армен и полуармен» возводил начало предполагаемого «армянского» влияния к середине XVI в. и связывал с ним спорные положения «Стоглава» [75, с. 235]. В 1710-е годы епископ Питирим Нижегородский в полемике со старообрядцами впервые сослался на собор 1157 г. против еретика Мартина Армянина. В 1718 г. по просьбе епископа из Киева был прислан текст «Соборного деяния» 1157 г., который, вероятно, являлся фальсифицированным [76, с. 33–35]. Питирим включил полученный им текст в свой труд «Пращица духовная» (1721) [77], и хотя старообрядцы вскоре разоблачили подделку, собор 1157 г. надолго вошел в историографию. Примечательно, что фальсификат выглядел убедительно именно потому, что точно воспроизводил ожидаемый *канонический* образ церковного собора против еретика.

Таким образом, в XVIII в. Святейший Синод понимался как «соборное правление» не только де-юре, но и в общественном сознании. Даже самые радикальные критики «Духовного регламента» выступали за восстановление патриаршества, а не за возрождение *соборного начала*.

Русский консерватизм начала XIX в. Французская революция 1789 г. заставила мыслителей XIX столетия иначе взглянуть на природу власти и законности. На смену рационализму Просвещения пришел историзм, ставивший во главу угла уникальный опыт и принцип органического развития наций. Религия в этой парадигме стала рассматриваться как фундаментальная сила, сплачивающая общество. Вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства выдвинулся в центр социально-политической мысли, что было особенно характерно для философов-романтиков, видевших в этих институтах внешнее выражение внутреннего «духа» народа [78, 79].

В этих обсуждениях рождалась классическая концепция *модерна, современности*, для которой важнейшее значение имело понятие

религии. Протестантские мыслители предрекали торжество «внутренней» веры, полностью освобожденной от всего «внешнего» и «человеческого». Эту точку зрения высказал Г.В.Ф. Гегель, который считал высшей формой религии протестантизм, а Реформацию, Просвещение и Французскую революцию — важнейшими событиями на пути от Средневековья к Модерну. Соответственно *религия* могла представлять и как внутренняя суть духовной жизни, и как ее внешние, преходящие формы. Католики видели в Реформации и Просвещении лишь последовательные стадии отступления мятежного человека от Бога, нашедшие свое логическое завершение в революционных жестокостях. Спасением для обезумевшего человечества могло быть только признание авторитета Церкви во главе с римским папой [1, с. 24, 25].

Для России противостояние с наполеоновской Францией стало причиной внутренней идейной трансформации: рационализм и религиозное волнодумство теперь ассоциировались с симпатиями к врагу. После военных неудач 1805–1807 гг. и роста национального сознания в русском обществе представители консервативных кругов и «правого» масонства при поддержке великой княгини Екатерины Павловны заняли ключевые государственные посты [80, 81]. Выразителями этого направления стали Н.М. Карамзин и Ж. де Местр, французский аристократ, масон-мартинист и убежденный католик [82].

Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811) критиковал синодальную систему Петра I, утверждая, что «явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской» подрывает нравственный авторитет Церкви и, как следствие, «государственную твердость» [83, с. 36, 37]. «История государства Российского» (1818–1829) представляла прошлое как драму, подтверждавшую значение самодержавия для России; церковные соборы упоминались здесь вскользь, как часть общего политического повествования [84].

Ж. де Местр был убежден, что Французская революция стала прямым следствием упадка религии, этого незыблемого основания всей политической жизни. «В разрушительном духе XVI в. берут начало все антиобщественные и антихристианские системы, появившиеся в наши дни: кальвинизм, янсенизм, лжефилософия, просвещение и так далее. Все это восходит к одному и должно рассматриваться как одна секта, которая поклялась уничтожить христианство и низвергнуть всех христианских правителей, но прежде всего царствующий дом Бурбонов и римский престол, и в этом начинании она уже совершила столько, сколько под силу человеку» [85, с. 64]. Таким образом де Местр обрисовывал то, что позднее будет именоваться концепцией секуляризации, но смотрел на нее не с прогрессистским восторгом, а с августинистским антропологическим пессимизмом.

В петровских реформах де Местр критиковал увлечение «разрушительным духом XVI века», выразившееся в отказе от сословности,

утрату национального духа и пренебрежение к религии, а потому указывал на опасность появления в России «университетского Пугачева». Главной слабостью русской религии де Местр считал влияние протестантизма и рационализма, укрепившееся со времен Петра I [85, с. 68, 69], а спасение от неизбежной революции видел во всемерном сближении с Римом. Позднее, уже после изгнания из России, де Местр высказал еще более нелестные суждения о Православной церкви как о мертвом теле, лишенном внутренних сил и потому обреченном пасть под натиском западного безбожия [86, с. 126–129].

Русская церковно-историческая наука в первые десятилетия XIX столетия переживала период своего становления. Первым шагом к систематическому изучению русских соборов стал труд М. Суханова «Историческое исследование о соборах российской церкви» [87]. Он выделил 35 соборов от Крещения Руси до 1721 г., установив критерии для их отбора: исключались епископские съезды по гражданским делам, узкие судебные заседания и собрания для выборов иерархов. Этот перечень стал каноническим для последующей историографии. Более полный список из 52 соборов, включавший соборы Западно-русской митрополии, был представлен в «Истории Российской иерархии» архимандрита Амвросия (Орнатского) [88]. Его работа легла в основу всех дальнейших исследований по данной теме.

Реформа духовного образования 1807–1814 гг. предусматривала преподавание в духовных академиях церковной истории и церковного права как двух богословских дисциплин. Два учнейших представителя русской иерархии архим. Филарет (Дроздов) и архим. Иннокентий (Смирнов) написали пособие по истории: первый составил «Начертание церковно-библейской истории», второй — «Начертание церковной истории» [89]. В труде свт. Иннокентия история Русской церкви впервые была изложена как составная часть всеобщей истории христианской Церкви. Описание церковных соборов той или иной эпохи выделялось автором в особый раздел «Соборы». Таким образом, свт. Иннокентий писал о русских соборах наравне с соборами древности как об универсальном явлении церковной жизни. Позже русские церковные соборы до 1551 г. были развернуто описаны в сочинении Н.П. Турчанинова [90].

Русское консервативное масонство не было монолитно, внутри него шли острые споры, отражавшие смену поколений и идейных парадигм. После 1812 г. среди консерваторов произошел раскол на сторонников новых немецких мистиков и приверженцев принципов розенкрейцеров XVIII в. В последующие годы это разделение нашло выражение в противостоянии между партиями «мистиков» и «ревнителей»: первые

сочувствовали деятельности князя А.Н. Голицына и «Российского Библейского общества», вторые видели в проектах князя опасное отступление от православной веры и шаг к революции. В спорах «мистиков» обвиняли в склонности к протестантизму, а «ревнителей» — в подражании католицизму. Хотя «ревнители» в 1824 г. добились отставки А.Н. Голицына и запрета на перевод Писания на русский язык, оба направления влияли на церковную жизнь еще многие десятилетия [86, с. 47–104; 91, с. 276–284]. Потому представление о двух возможным путях для Русской церкви лежало в самом основании дискуссий об исторических судьбах России.

Русский либерализм начала XIX в. Публикация карамзинской «Истории» вызвала недовольство российских либералов, чьи взгляды формировались под влиянием западного, прежде всего французского, конституционализма. Эта доктрина, развитая Б. Констаном и Ф. Гизо как реакция на ужасы якобинской диктатуры, отстаивала необходимость институциональных ограничений любой верховной власти, включая народную, ради гарантий индивидуальной свободы [92]. Гизо в своих лекциях рассматривал историю как процесс распространения цивилизации в обществе, особое внимание уделял борьбе классов. Средневековые сословные собрания вроде парламентов и Генеральных штатов историк рассматривал как предшественников современного представительного правления, основанного не на завоевании, а на договоре. Позднее эти идеи нашли свое выражение на страницах знаменитой «Истории цивилизации в Европе» (1828) [93].

Подобная «вигская», либерально-прогрессистская историософия [94] задавала жесткие критерии оценки прошлого: условиями для подлинной политической свободы считались лишь те институты, что представляли общество, отстаивали интересы различных групп в противостоянии с монархом и тем самым ограничивали произвол верховной власти. Под эту схему идеально подходила история английского парламентаризма, тогда как институты других стран объявлялись «неразвитыми».

Именно в этой парадигме мыслили российские либералы, включая декабристов. Стремясь обосновать конституционные идеи национальной традицией, они искали в русском прошлом аналоги западных представительных органов. Н.М. Муравьев называл будущий парламент «Государственным собором» или «Земской думой» [95, с. 5, 6]; Н.И. Тургенев и М.А. Фонвизин сравнивали древние русские соборы с Генеральными штатами и парламентом, а историю России представляли как многовековой процесс утраты исконных «вольностей» и установления «деспотизма», начавшийся с Ивана III и завершившийся при Петре I и его наследниках [61, с. 261].

Одним из важных эпизодов торжества «деспотизма» над «вольностью» декабристам виделись события 1730 г., когда надежды на установление ограниченного правления сменились правлением Анны Иоанновны, временем унижения русской аристократии и торжества немцев. Так, Рылеев в своих стихотворных «думах» не раз обращался к событиям этой эпохи, видя в противниках Анны представителей русского дворянства, отстаивавшего свою древнюю вольность против немецкой тирании [96]. Поскольку Феофан Прокопович сыграл важную роль в падении «верховников», такие оценки аннинского царствования относились и к Петровской церковной реформе.

Вера и народность. В 1830-х годах С.С. Уваров противопоставил либеральной нации консервативную *народность*, представительному правлению — *самодержавие*, а западным конфессиям — Православие [97]. Православная церковь понималась графом как сила, выражающая и поддерживающая начала народности и самодержавия, а мистики» внутри церкви — как опасная сила, стремящаяся использовать Православие для подрыва этих начал [98]. При этом монарх должен был править подданными, руководствуясь законами. Воззрения С.С. Уварова развивали идеи консервативного масонства конца XVIII в., видевшего ключ к разрешению социальных проблем в справедливых законах и рациональной бюрократии [99, с. 353–492; 100, с. 394–405, 482–490].

Николаевское видение России как государства, основанного на законах, способствовало развитию русского правоведения. Среди юристов большее влияние приобретала историческая школа права, которая рассматривала законы как органический продукт «народного духа» (*Volksgeist*), развивающийся подобно языку. Политическим идеалом для исторической школы было правовое государство (*Rechtsstaat*), где власть ограничена правом [101]. Изучая истоки русской правовой традиции, юристы обращались к изучению Кормчей [102, 103].

В области церковных дел стремление к рационализации и бюрократизации нашло выражение в росте значения обер-прокуратуры, которая приобрела функции полноценного министерства. Ярким выразителем николаевских принципов в церковных делах стал обер-прокурор Н.А. Протасов (1836–1855), который, в отличие от своего предшественника С.Д. Нечаева, симпатизировал «ревнителям» [104].

Одной из первых инициатив Н.А. Протасова на посту обер-прокурора стала кодификация права. Были изданы «Книга правил» (1839) — свод переводов византийских канонов [105] и «Устав духовных консисторий» (1841), руководство по действующему церковному праву [106]. В 1840-х годах в духовных академиях формируется школа систематического изучения церковного права как богословской дисциплины, плодами которой были курсы казанского архимандрита Гавриила (Воскресенского), киевского протоиерея

И.М. Скворцова и петербургского архим. Иоанна (Соколова) [107–109]. При этом в курсах рассматривалось лишь византийское церковное право «Книги правил».

В историописании 1830–1840-х годов произошел поворот от восприятия истории как литературы к истории как науке, основанной на критике источников. Это затронуло и область церковной истории, где все более востребована была история Русской церкви. В 1838 г. по поручению обер-прокурора А.Н. Муравьев написал официальную «Историю Российской Церкви» [110]. Однако в 1840-е годы появляется плеяда церковных историков из среды ученого монашества, самыми яркими представителями которой были свт. Филарет (Гумилевский) и Макарий (Булгаков). С точки зрения Филарета, церковная история А.Н. Муравьева, мирянина и в большей степени литератора, чем ученого, могла вызывать лишь чувство стыда [111].

Принципы историзма оказывали большое влияние на богословские дисциплины. Русские соборы все чаще рассматривались исторически. Если в сочинении свт. Филарета (Дроздова) ставился лишь вопрос об авторитете Стоглава и Большого Московского собора [112], то сочинение Н.А. Руднева, посвященное старообрядчеству, представило все известные в русской истории ереси как элементы единого исторического процесса, ведущего к старообрядческому расколу [113]. Это влияло и на изучение церковного права. В 1828 г. в кратком сочинении митр. Евгения Болховитинова [114] русские соборы лишь упоминались, а в 1843 г. магистерская работа Иоанна (Соколова), будущего эксперта по каноническому праву, была посвящена Стоглавому собору [115].

Образ Петра Великого в царствование Николая I выступал как воплощение принципов уваровской триады и символический двойник самого императора. Одним из последствий этого был перенос одобрения и критики действующей власти на фигуру царя-преобразователя [116]. Соответственно и реформированная обер-прокуратура Н.А. Протасова со всеми ее достоинствами и недостатками рассматривалась как воплощение принципов петровской церковной реформы. Это отождествление — явное или скрытое, сознательное или неосознаваемое — впредь будет присутствовать в большинстве работ о преобразованиях первого императора.

Три конфессии в Российской империи. Проблема роли Церкви в жизни государства в России был неразрывно связан с чувствительным вопросом об отношениях русских и двух других влиятельных народов империи — немцев и поляков.

Протестантизм в России издавна был немецкой верой. Отличительной чертой Российской империи было наличие влиятельных этноконфессиональных групп немцев-лютеран. В XIX веке в замкнутых элитных корпорациях, таких как офицерский корпус или универ-

ситеты, было обычным противостояние «немецкой» и «русской партий». В 1840-х годах борьба между фракциями правящей элиты осмыслялась современниками как противостояние «немецкой» и «русской» партий — «национальной» и «антинациональной» [117]. Чрезвычайный успех имел исторический роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835), где правление Анны Иоанновны представало драмой, в которой немцы во главе с Э.-И. Бироном представляли зло, а русские во главе с аристократом Волынским — добро. Из церковных деятелей в романе упоминался архиеп. Феофилакт Лопатинский как невинная жертва бироновщины. Феофан Прокопович оставался фигурой умолчания [118].

Католицизм также воспринимался двойственно. Для многих католичество было воплощением «реакции» и основным идеологическим противником либерализма. При это католицизм ассоциировался с главным внешнеполитическим соперником России — Францией Луи Филиппа, и внутренней угрозой — польским национализмом, который пользовался поддержкой Франции и Католической церкви. В 1839 г. Полоцкий собор завершил воссоединение униатов с Православной церковью, что обострило отношения Петербурга и Рима. Но в русской элите николаевской эпохи католичество было символом интеллектуальной оппозиции, что проявилось в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева, популярности памфлета А. де Кюстина и в обращении в католицизм князя И.С. Гагарина (1842). Католические авторы резко и грубо критиковали Православную церковь, особо осуждая синоды, управлявшие церковными делами в России и Греции, как отступление от канонических принципов церковного единоначалия [119, с. 39–47, 59–73].

Подход «ревнителей» в церковных делах все меньше устраивал новое поколение образованного дворянства. Принципы XVIII в. казались архаическими на фоне развития европейской мысли 1820–1830-х годов, где отношения Церкви и государства понимались сквозь призму идей романтиков и немецкой идеалистической философии. Религия представляла самостоятельной силой, формирующей общество и государство [79, 120].

В России в этом направлении развивалась мысль славянофилов. В философии А.С. Хомякова ключевое место занимало учение о внутреннем, органическом единстве Православной церкви, основанном на свободе и любви, в противоположность внешнему, юридическому единству католицизма и индивидуализму протестантизма [86]. Именование Церкви католической, *соборной*, по мнению мыслителя, выражает «идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это единство во множестве» [121, с. 242]. Учение о Церкви как «организме истины и любви» создавало определенную

напряженность между мистическим пониманием церковного единства и требованием догматической четкости [122, 123]. При этом существующее синодальное устройство Русской церкви Хомяков, вопреки позднейшим интерпретациям, не рассматривал как прямое отрицание соборного идеала [124].

«Немецкая» и «русская» партии. В 1840-е годы в церковной жизни произошло два события, воспринимавшихся современниками как столкновение немецкого протестантизма и русского православия. В 1841 г. в Лифляндской губернии крестьяне, латыши и эстонцы, начали массово переходить в православие. Это вызвало сопротивление немцев-помещиков, обвинявших православного архиерея в сеянии смуты [125, с. 70–75]. В 1841–1842 гг. развернулось «дело Павского» — скандал вокруг перевода Ветхого Завета, сделанного протоиереем Герасимом Павским. Вновь вышло наружу старое противостояние «мистиков» и «ревнителей» [126]. В 1842 г. Н.А. Протасов в секретной докладной записке на имя Николая I подчеркивал, что начало протестантскому влиянию на русское духовное образование заложил Феофан Прокопович, который, угождая Э. Бирону и прочим влиятельным немцам времен Анны Иоанновны, увлекся «ненавистью к папизму» и заразился протестантским свободомыслием [127, с. 436, 437]. Вероятно, обер-прокурор пришел к такому выводу ранее, в ходе подготовки реформы церковного образования 1840 г.

В научных кругах противостояние «немецкой» и «русской» партий было особо остро. В 1844 г. студент Московского университета Ю.Ф. Самарин в своей магистерской работе рассматривал церковную историю эпохи Петра I через призму двух личностей — Стефана Яворского и Феофана Прокоповича [128]. В своем исследовании Самарин утверждал, что изначально Русская церковь управлялась соборно. Государство, начиная с Ивана III, хотя и нарушало этот принцип, оставляло за соборами решение ключевых вопросов. Ответом на крайности государственного вмешательства стала деятельность патриарха Никона с его «папистскими» замыслами, которая также потерпела неудачу. Последующее католическое влияние на русскую иерархию, по логике Самарина, вызвало «протестантскую» реакцию в виде реформ Петра I, который через «Духовный регламент» и Синод подчинил Русскую церковь государству. При этом Самарин не считал синодальное устройство чуждым природе Церкви, так как полагал, что патриарх, как и любой иной предстоятель, является «олицетворенным собором» [129, с. 285], однако в учении Феофана Прокоповича о соборах ученый видел «протестантское начало», так как тот ставил авторитет соборов в зависимость от личного суждения об их согласии с Писанием.

Таким образом, согласно Ю.Ф. Самарину, история Православной церкви описывалась по принципам философии Г.Ф.В. Гегеля как

борьба двух односторонних направлений, возникших под влиянием чуждых начал. После написания работы Ю.Ф. Самарин сблизился с А.С. Хомяковым и был потрясен тем, насколько его собственные идеи близки идеям мыслителя-славянофила. В богословии Хомякова Самарин увидел гегелевский *синтез*, позволяющий *снять* односторонность католического *тезиса* и протестантского *антитезиса* [86]. При этом из-за цензуры в 1844 г. была опубликована лишь часть работы, посвященная проповедям двух иерархов; полный текст труда увидел свет только в 1880 г.

Вскоре Ю.Ф. Самарин встретился с лучшим церковным историком эпохи — святителем Филаретом (Гумилевским). Их пути сошлись в борьбе за православие против «немецкой партии» в Остзейском крае. Занимая в 1841–1848 гг. Рижскую кафедру, святитель Филарет поощрял обращение латышей в православие, но столкнулся с противодействием остзейских баронов и их покровителей в Петербурге. Ю.Ф. Самарин, служивший в Риге в 1846–1849 гг., решительно выступил против «немецкой партии». Волна революций 1848 г. в Европе, проходивших под знаменем либерального национализма, заставила российское правительство опасаться новых очагов напряженности. В результате святитель Филарет был переведен на Харьковскую кафедру, а Ю.Ф. Самарин за распространение критических «Писем из Риги» был арестован и затем переведен на другой пост [117, 130].

Научный труд святителя Филарета «История Русской Церкви» (1847–1848) стал первым церковно-историческим сочинением, сочетавшим последовательное повествование с историко-критическим методом [131]. Описывая соборы, владыка следовал сложившейся традиции, выделяя синоды, созывавшиеся для борьбы с ересями и решения дисциплинарных вопросов. Однако личный опыт борьбы с «немецкой партией» и общение с Ю.Ф. Самариным повлияли на оценки в последних томах. Владыка Филарет (Гумилевский) дал критическую характеристику синодальной системе, а Феофана Прокоповича оценил крайне негативно, как «друга немцев», склонного к протестантским взглядам.

В начале 1850-х годов славянофил К.С. Аксаков развивал идеи А.С. Хомякова, создав концепцию российской истории, основанную на оппозиции «земля» и «государство». «Земля» понималась как внутренняя, нравственная жизнь народа, воплощенная в общине, а «государство» — как внешняя охранительная власть. Их союз, по Аксакову, должен был основываться на согласии и разделении полномочий: «правительству — сила власти, земле — сила мнения» [132]. Для обозначения высшего представительного органа мыслитель после долгих раздумий остановился на «соборе», поскольку это слово выражало для него идею духовной общности и церковной соборности. При этом

определение «земский» отсылало к «земле» — народу как нравственному целому [133].

Белокриницкая иерархия и научная полемика со старообрядчеством в 1850-е годы. В середине XIX в. вопрос о церковных соборах вновь оказался в центре внимания в связи с активизацией полемики со старообрядчеством. После учреждения в 1847 г. Белокриницкой иерархии русские старообрядцы впервые создали альтернативную Синоду церковную структуру, к тому же связанную с иностранной державой. В ответ российское правительство предприняло ряд мер, включавших и труды по изучению старообрядчества [134].

Уже в 1849 г. вышло исследование архиепископа Игнатия (Семёнова), где поднимались ключевые вопросы: связь старообрядчества с ересями XIV–XVI вв., подлинность деяний соборов (в частности, 1157 и 1551 гг.), а также вероучительный авторитет Стоглавого собора и Большого Московского собора 1666–1667 гг. [135]. Эти же проблемы в более сжатом виде затрагивались в трудах митрополита Григория (Постникова) [136].

Для системной борьбы с расколом в 1854 г. при Казанской духовной академии и семинарии были открыты миссионерские отделения, а также основан журнал «Православный собеседник». В распоряжение исследователей поступили ценные рукописные собрания из Ниловой пустыни и Соловецкого монастыря.

В 1855 г. «учение о расколе» было введено в учебный курс духовных академий. В качестве основного пособия для новой дисциплины митрополит Макарий (Булгаков) издал «Историю русского раскола» [137], где развивал концепцию, представлявшую раскол XVII в. как закономерный итог еретических движений предыдущих эпох. В этой работе автор признавал подлинность собора 1157 г. на Мартина Армянина, усматривая в нем первое проявление «раскольничьих» мнений, но крайне критически оценивал Стоглавый собор 1551 г., трактуя его как попытку возвести частные мнения в догматы. Ученый отрицал канонический статус «Стоглава», доказывая, что это не соборные постановления, а позднейшие компиляции.

Для сбора информации о старообрядцах Министерство внутренних дел организовало ряд экспедиций, в которые вошли известные литераторы и публицисты: И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.И. Надеждин, П.И. Мельников-Печерский [134, с. 71].

Таким образом, к середине 1850-х годов в России сложилась небывалая ранее ситуация. С одной стороны, существовала альтернативная церковная структура, Белокриницкая иерархия, чьи епископские собрания официально именовались «освященными соборами». С другой стороны, старообрядчество перестало восприниматься лишь как «суеверие невежественных простолюдинов»; в глазах образованного общества оно

предстало особым культурным миром, сохранившим черты «вольной» Древней Руси. Это придало историко-каноническим дискуссиям о древнерусском церковном устройстве практическую и мировоззренческую значимость.

Конфронтация с Римом. Революции 1848–1849 гг. значительно ослабили позиции папства и традиционных католических монархий. В этих условиях новый понтифик Пий IX стал искать для Рима место в изменившейся Европе [119, с. 96–99]. 6 января 1848 г. он обнародовал «Послание к Восточным», в котором восхвалял униатов и призывал восточные церкви вернуться к единству с Римским престолом. Один из ключевых упреков папы заключался в том, что православные «не смогли сохранить между вами ни единства учения, ни единства священного управления».

В ответ Константинопольский патриарх созвал собор с участием четырех патриархов (Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского) и 29 епископов. Итогом обсуждений стало «Окружное послание», в котором, в частности, учение о *filioque* было осуждено как ересь. Обличая папский волюнтаризм, собор заявил: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести новое, потому что защитник религии есть само тело Церкви, то есть сам народ, который хочет религию свою вечно неизменной и одинаковой с религией отцов своих» [138].

В России этот ответ был воспринят с одобрением, особенно славянофилами. А.С. Хомяков увидел в словах «Окружного послания» о народе как «теле Церкви» пробуждение подлинного церковного сознания.

Тем временем конфронтация с Римом все более нарастала. Во Франции в 1851 г. была провозглашена Вторая империя. Наполеон III пользовался поддержкой Католической церкви и в 1853 г. выступил в защиту претензий католиков на святые места в Палестине. Этот конфликт стал одним из поводов для Крымской войны (1853–1856), которая и в России, и во Франции воспринималась как столкновение православия и католичества, что нашло выражение в острой полемике в печати [119, с. 138–149].

Собор как концепт. Таким образом, эпоха XVIII — первой половины XIX в. для русской мысли была временем напряженного поиска национальной и религиозной идентичности России как европейской державы. Ключевым событием в истории страны единодушно считались преобразования Петра I, а потом любые обращения к теме петровских реформ, в том числе церковной реформе Петра, скрывали под собой стремление к осмыслению настоящего и проектированию будущего России.

Представления русского общества о прошлом России сложились под прямым влиянием западных историсофских концепций, католи-

ческих инвектив, либерального конституционализма и антилиберального консерватизма. Древняя Русь виделась как эпоха вольности всех сословий, позднее подчиненных самодержавию. Проявлением национально-представительного начала в русской истории считались *веча*, *думы* и *соборы*.

Исторический путь Русской церкви также осмыслялся через призму западного конфессионального опыта и в категориях западной богословской мысли. Соответственно своеобразие русского Православия понималось как соотношение протестантских и католических элементов. Философия истории начала XIX в. связывала религиозные движения Нового времени с историческим прогрессом (протестанты) или регрессом (католики). Поэтому и петровская церковная реформа оценивалась как событие, близкое по духу и историческому значению западной Реформации, приблизившее Русскую церковь к протестантизму и отдалившее от католичества.

Славянофилы предложили свой выход из этой дихотомии, определив Православие как вероисповедание, принципиально отличное от обеих западных конфессий. При этом А.С. Хомяков указывал, что важнейшее значение для православия имеют соборы, которые являют полноту Церкви как соборного, органического единства. Поскольку в европейской мысли национальная религия считалась выражением национального духа, то К.С. Аксаков положил экклезиологию Хомякова в основание учения о соборах как русской форме политического представительства, отличной от западного парламентаризма.

Нарратив о подчинении автономной Церкви светским государством прямо противоречил реальному социальному процессу в Российской империи — постепенному формированию духовенства как корпорации. Деятельность николаевских обер-прокуроров вела к прямому столкновению интересов правительства и епископата, которое трактовалось последним как наступление светского государства на исконные права Церкви. Интерпретация внутривластной жизни России как борьбы «немецкой» и «русской» партий вела к тому, что конфликт Синода и обер-прокуратуры понимался как борьба немецкого государства с русской Церковью. В этом контексте в России «освященный собор» старообрядцев стал первым прецедентом создания «древнерусского» органа церковной власти.

Тем самым комплекс идей и представлений, лежащих в доминирующем нарративе русской церковной истории, сложился в 1840-е годы. Однако сам нарратив получил распространение лишь в эпоху Великих реформ.

(продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Крылов А.О. Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 2012, № 3, с. 22–46.
- [2] *Духовный регламент*. Санкт-Петербург, Санкт-петербургская типография, 1721, 48+17 с.
- [3] Edwards M. Synods and councils. *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 367–385.
- [4] Никодим (Милаш), еп. *Правила Православной церкви с толкованиями. Т. 1*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургской духовной академии, 1911, 635 с.
- [5] Суворов Н.С. *Курс церковного права. В 2 т. Т. 1*. Ярославль, Типо-литография Г. Фальк, 1889, 369 с.
- [6] Ващева И.Ю. *Феномен «Церковных историй» в эпоху Поздней Античности. Дис. ... д-ра истор. наук*. Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2013, 789 с.
- [7] Асмус В., прот., Кузенков П.В., Никифоров М.В. [и др.]. Константинопольские соборы. *Православная энциклопедия. Т. 37*. Москва, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015, с. 299–343.
- [8] Андронов И.Е. *Nostri Saeculi Novatores: межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века*. Москва, Санкт-Петербург, 2019, 464 с.
- [9] Perron A. The bishops of Rome, 1100–1300. *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 4. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 22–38.
- [10] Winroth A. The legal underpinnings. *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 4. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 89–98.
- [11] Wilhelm J. Councils. *Catholic Encyclopedia*. Vol. 4. New York, Robert Appleton Company, 1913, pp. 423–435.
- [12] Valliere P. *Conciliarism: A History of Decision-Making in the Church*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 289 p.
- [13] Sagovsky N. Conciliarity of the Church. *St Andrews Encyclopaedia of Theology*. URL: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/ConciliarityoftheChurch> (дата обращения 23.12.2025).
- [14] Срезневский И.И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3*. Санкт-Петербург, Типография Императорской академии наук, 1903, 1684 ст.
- [15] Вовина-Лебедева В.Г. «Освященный собор» в источниках XIV — начала XVI в. *Sahiers du Monde russe*, 2005, vol. 46, no. 1/2, pp. 387–396.
- [16] Цапина О.А. Представления о синодальности, коллегиальности, соборности во второй половине семнадцатого — первой трети восемнадцатого века. *Церковь и власть: к 300-летию учреждения Святейшего синода в Русской Церкви (Москва, ПСТГУ, 1–13 ноября 2021 г.)*. Москва, ПСТГУ, 2022, 248 с.
- [17] Печников М.В., Устинова И.А., Глакин А.К. и др. *Новгородская и Старорусская епархия. Православная энциклопедия. Т. 51*. Москва, Православная энциклопедия, 2018, с. 382–451.
- [18] Лютко Е. Возникновение клерикальной корпорации на Западе XI–XIII вв. и в России XVII–XVIII вв. *Социологическое обозрение*, 2020, т. 19, № 3, с. 300–320.
- [19] Флоря Б.Н. *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*. Москва, Православная энциклопедия, 2007, 526 с.

- [20] Гайдено П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. *Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы*. Москва, Университетская книга, 2013, 150 с.
- [21] Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. *Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию*. Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2017, 494 с.
- [22] Гайдено П.И. Собор 1273 (4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла. *Вестник РХГА*, 2014, с. 229–239.
- [23] Савосичев А.Ю. Митрополичий Двор в эпоху Ивана Грозного. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 2021, № 4, с. 71–77.
- [24] Савосичев А.Ю. Митрополичий и патриарший двор в конце XVI — начале XVII в. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 2023, № 1, с. 59–63.
- [25] Савосичев А.Ю. Дьяки в аппарате управления русской церкви в конце XVI — начале XVII века. *Вестник государственного и муниципального управления*, 2023, № 4, с. 94–107.
- [26] Каптерев Н.Ф. *Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий*. Москва, ЛЕНАНД, 2015, 128 с.
- [27] Павлов А.П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества. *Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, S. 65–79.
- [28] Усачев А.С. Хронология работы Освященного собора Русской церкви в XVI в. *История*, 2023, т. 14, вып. 12, ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840028459-3-1/> (дата обращения 24.12.2025).
- [29] Ермилов П.В. Учреждение московского патриаршества и Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг. *Византийский временник*, 2019, т. 103, с. 153–178.
- [30] Макарий (Булгаков), митр. *История русской церкви. В 7 кн. Кн. 6*. Москва, Издательство Спаса-Преображенского Валаамского монастыря, 1996, 798 с.
- [31] Белякова Е.В. Об отмене решений Собора 1620 г. *История*, 2019, т. 10, вып. 3. URL: <https://history.jes.su/s207987840004671-7-1/> (дата обращения 24.12.2025).
- [32] Булычев А.А. *История одной политической кампании XVII века*. Москва, Языки славянской культуры, 2004, 144 с.
- [33] Флоря Б.Н. Брестские соборы. *Православная энциклопедия. Т. 6*. Москва, Православная энциклопедия, 2003, с. 242–243.
- [34] Дмитриев М.В. *Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.* Москва, Издательство Московского университета, 2003, 319 с.
- [35] Булгаков Г.И., прот. *Западно-русские православные церковные соборы как органы церковного управления*. Курск, Епархиальная типография, 1917, 324 с.
- [36] *Соборное уложение*. Москва, Московский Печатный двор, 1649, 338 л.
- [37] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. *Соборное уложение 1649 года*. Москва, Издательство МГУ, 1961, 414 с.
- [38] *Кормчая*. Москва, Печатный двор, 1653, 787 л.
- [39] *Скрижаль*. Москва, Печатный двор, 1655, 856 л.
- [40] Лобачев С.В. *Патриарх Никон*. Санкт-Петербург, 2003, 416 с.
- [41] Чумичева О.В. Большой Московский собор. *Православная энциклопедия. Т. 5*. Москва, Православная энциклопедия, 2002, с. 679–684.
- [42] Белякова Е.В. К изучению истории Соборов 1666 и 1666–1667 гг. *Исторический курьер*, 2019, № 2. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-05.pdf> (дата обращения 24.12.2025).

- [43] Седов П.В. *Закат Московского царства*. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2008, 604 с.
- [44] Флоря Б.Н. *Лекции по русской истории*. Москва, Древлехранилище, 2021, 544 с.
- [45] Флоря Б.Н., Афиногенов Д.Е., Желтов М.С. *Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью, 1676–1686 гг. Исследования и документы*. Москва, Православная энциклопедия, 2019, 911 с.
- [46] Крылов А.О. Свт. Димитрий Ростовский и евхаристические споры в России конца XVII в. *Русское богословие: исследования и материалы*. Москва, Издательство ПСТГУ, 2014, с. 7–35.
- [47] Ведяев А.В., Гайденов П.И., Оспенников Ю.В., Устинова И.А. *«К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской церкви*. Санкт-Петербург, Издательство СПбДА, 2023, 352 с.
- [48] Панич Т.В. Артемьев, Петр. *Православная энциклопедия. Т. 3*. Москва, Православная энциклопедия, 2012, с. 467–468.
- [49] Панич Т.В. Две редакции соборного определения по делу Григория Скибинского (материалы к биографии писателя). *Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2012, с. 110–134.
- [50] Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*, 2014, № 4, с. 9–28.
- [51] Голикова Н.Б. *Политические процессы при Петре I*. Москва, Издательство Московского университета, 1957, 337 с.
- [52] Кочегаров К.А. Сыск Григория Талицкого в 1700 г. *Человек и власть в России XVII–XVIII веков: Сборник статей к семидесятилетию Евгения Викторовича Анисимова*. Санкт-Петербург, Наука, 2022, с. 140–150.
- [53] Крылов А.О. Дело Дмитрия Тверитинова и политическая борьба в России начала XVIII века. *Христианское чтение*, 2025, № 1, с. 234–247.
- [54] Верховской П.В. *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. В 2 т. Т. I*. Ростов-на-Дону, Типографии М.И. Гурмана и А.И. Тер-Абрамяна, 1916, 686 с.
- [55] Акельев Е.В. О проблеме доказательств в историческом исследовании, или Подозревал ли Петр I патриарха Адриана в связях с мятежными стрельцами? *ВИВЛЮИКА*, 2023, т. 11, с. 241–270.
- [56] Бушкович П. *Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725)*. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2008, 542 с.
- [57] Андреев А.Н. *Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в. Дис. ... д-ра истор. наук*. Челябинск, 2011, 712 с.
- [58] Крылов А.О. Феофан Прокопович и Георгий Дашков: 1725–1735 гг. *Церковь и власть: к 300-летию учреждения Святейшего синода в Русской Церкви*. Москва, Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2022, с. 151–182.
- [59] Крашенинникова О.А. *Маркелл Радышевский — критик синодальной реформы Русской церкви*. Москва, ИМЛИ, 2023, 554 с.
- [60] Курукин И.В. *Анна Иоанновна*. Москва, Молодая гвардия, 2013, 430 с.
- [61] Стенник Ю.В. *Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века*. Санкт-Петербург, Наука, 2004, 275 с.
- [62] Таньшина Н.П. *Русофобия: История изобретения страха*. Москва, Концептуал, 2023, 496 с.
- [63] Лиштенан Ф.-Д. Русская церковь XVIII века глазами западных наблюдателей: политический и философский аспекты. *Европейское Просвещение и цивилизация России*. Москва, Наука, 2004, с. 77–84.

- [64] Никанорова Е.К. *Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом*. Новосибирск, 2001, 468 с.
- [65] Кротов П.А. «Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина в переводе А.А. Нартова — неизвестный памятник русской словесности XVIII века. *Научный диалог*, 2020, № 9, с. 235–249.
- [66] Вернадский Г.В. *Русское масонство в царствование Екатерины II*. Москва, Издательство «Ломоносов», 2014, 272 с.
- [67] Минаков А.Ю. «Правое» масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века. *Via in tempore. История. Политология*. 2010, № 13, с. 123–130.
- [68] Алексеев П.А., прот. *Церковный словарь*. Москва, Печатня при Императорском Московском университете, 1773, 396 с.
- [69] Феликсов С.В. «Церковный словарь» протоиерея П.А. Алексеева. *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология*, 2009, № 16, с. 7–14.
- [70] Баган В.В. Становление богословской дисциплины «каноническое право» в Русской Православной Церкви в XIX в. *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 2022, № 38, с. 30–53.
- [71] Платон (Левшин), митрополит. *Краткая российская церковная история. В 2 т.* Москва, 1805, 388+352 с.
- [72] Феофилакт Лопатинский, архиеп. *Обличение неправды раскольнической*. Москва, Синодальная типография, 1745, 450 с.
- [73] Платон (Левшин), митр. *Увещание к раскольникам с чиноположением, как принимать обращающихся из них к Православной вере*. Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1765, 137 л.
- [74] Журавлев А.И., прот. *Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях*. Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии наук, 1795, 107 с.
- [75] Никулин И.А., свящ. *Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский*. Екатеринбург, Екатеринбургская духовная семинария, 2015, 312 с.
- [76] Морохин А.В. *Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен*. Нижний Новгород, Книги, 2009, 271 с.
- [77] Питирим, еп. *Працища духовная*. Санкт-Петербург, Типография Александроневского монастыря, 1721, 410 л.
- [78] Wilson B. *Counter-revolutionary thought. The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 9–38.
- [79] Toews J.E. *Church and state: the problem of authority. The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 603–648.
- [80] Минаков А.Ю. «Правое» масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века. *Via in tempore. История. Политология*. 2010, № 13, с. 123–130.
- [81] Минаков А.Ю. У истоков русского консерватизма: «Русская партия» первой четверти XIX в. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*, 2014, № 1, с. 67–77.
- [82] Дегтярева М.И. Жозеф де Местр и Н. М. Карамзин. *Социологический журнал*, 2003, № 1, с. 151–165.
- [83] Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. Москва, Наука, 1991, 125 с.
- [84] Карамзин Н.М. *История государства Российского. В 12 т.* Санкт-Петербург, Типография Н. Греча, 1816–1829.
- [85] Местр де Ж.М. *Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2007, 298 с.

-
- [86] Хондзинский П.В., прот. *«Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века*. Москва, Изд-во ПСТГУ, 2016, 480 с.
- [87] Суханов М. *Историческое исследование о соборах российских церкви*. Санкт-Петербург, Типография Святейшего Синода, 1803, 37 с.
- [88] Амвросий (Орнатский), архим. *История российской иерархии. В 6 ч. Ч. 1*. Москва, Синодальная типография, 1807, 643 с.
- [89] Иннокентий (Смирнов), свт. *Начертание церковной истории: от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. В 2 отд.* Санкт-Петербург, Типография Св. Синода, 1817, 613 с.
- [90] Турчанинов Н.П. *О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича*. Санкт-Петербург, Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1829, 154 с.
- [91] Бежанидзе Г., Фирсов А. «Священное царство» Российской империи в эпоху модернизации: попытка характеристики церковно-политической позиции митрополита Филарета (Дроздова). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2022, № 40, с. 273–305.
- [92] Jennings J. *Constitutional liberalism in France: from Benjamin Constant to Alexis de Tocqueville. The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 349–373.
- [93] Guizot M. *Histoire de la civilisation en Europe*. Paris, Pichon et Didier, 1828, 529 p.
- [94] Butterfield H. *The Whig Interpretation of History*. London, G. Bell, 1931, 82 p.
- [95] Черепнин Л.В. *Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв.* Москва, Наука, 1978, 417 с.
- [96] Рылеев К.Ф. *Думы*. Москва, в типографии С. Селивановского, 1825, 172 с.
- [97] Миллер А. *Нация, или Могущество мифа*. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016, 146 с.
- [98] Минаков А.Ю. *Русская партия в первой четверти XIX века*. Москва, Институт русской цивилизации, 2013, 528 с.
- [99] Гайда Ф.А. «Православие» в триаде С.С. Уварова. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*, 2021, № 100, с. 32–46.
- [100] Миронов Б.Н. *Российская империя. От традиции к модерну. В 3 т. Т. 2*. Санкт-Петербург, 2018, 912 с.
- [101] Kelley D. *Historians and lawyers. The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 147–170.
- [102] Розенкамф Г.А. *Обозрение Кормчей книги в историческом виде*. Москва, Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1829, 756 с.
- [103] Калачов Н.В. *О значении Кормчей в системе древнего русского права*. Москва, Университетская типография, 1850, 128+80 с.
- [104] Бежанидзе Г.В. Святитель Филарет Московский и обер-прокурор Святейшего Синода Н.А. Протасов. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*, 2025, № 125, с. 90–108.
- [105] *Книга правил святых Апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец*. Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1839, 456 с.
- [106] *Устав духовных консисторий*. Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1841, 134+56 с.
- [107] Гавриил, архим. *Понятие о церковном праве и его история*. Казань, Университетская типография, 1844, 32 с.

- [108] Скворцов И., прот. *Записки по церковному законоведению*. Казань, Университетская типография, 1848, 266 с.
- [109] Иоанн (Соколов), архим. *Опыт курса церковного законоведения. В 2 т.* Санкт-Петербург, Типография Фишера, 1851, 515+593 с.
- [110] Муравьев А.Н. *История Российской церкви*. Санкт-Петербург, типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838, 370 с.
- [111] Богданова Т.А., Муравьев А.Н. *Православная энциклопедия. Т. 47*. Москва, Православная энциклопедия, 2017, с. 662–672.
- [112] Филарет (Дроздов), свт. *Беседа к глаголемому старообрядцу о Стоглавном соборе и о истинном согласии с православною церковью*. Санкт-Петербург, Типография Святейшаго Правительствующего Синода, 1836, 51 с.
- [113] Руднев Н.А. *Рассуждения об ересь и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Ивана Грозного*. Москва, Синодальная типография, 1838, 292 с.
- [114] Евгений (Болховитинов), митр. *Историческое обозрение российского законоположения*. Санкт-Петербург, Типография И. Глазунова, 1826, СХХХI с.
- [115] Никифорова М.В. Иоанн (Соколов), еп. *Православная энциклопедия. Т. 23*. Москва, Православная энциклопедия, 2010, с. 446–452.
- [116] Высочков Л.В. Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I. *Русско-Византийский вестник*, 2023, № 1, с. 130–145.
- [117] Бадалян Д.А. Немецкая партия в России XIX в. и борьба вокруг нее в публицистике, литературе и музыке. *История Отечественной культуры в архивных документах*. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, 2024, с. 30–49.
- [118] Лажечников И.А. *Ледяной дом. В 4 ч.* Москва, А.С. Ширяев, 1835, 197+202+198+198 с.
- [119] Тамборра А. *Католическая церковь и русское православие*. Москва, Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007, 617 с.
- [120] Morrow J. *Romanticism and political thought in the early nineteenth century. The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 39–76.
- [121] Хомяков А.С. *Сочинения. В 2 т. Т. 2*. Москва, Медиум, 1994, 476 с.
- [122] Хондзинский П.В., Кырлежев А.И. Соборность в русской богословской традиции. *Вопросы теологии*, 2019, № 3, с. 427–440.
- [123] Гайда Ф.А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX — I четверти XX в. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 2022, т. 6, № 1, с. 17–40.
- [124] Хондзинский П.В., прот. Синодальная реформа и еклесиология первых славянофилов: А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 2011, вып. 5, с. 57–70.
- [125] Лебедев С., Лебедева Г. Народное движение в Прибалтике за переход в «царскую веру». *Тетради по консерватизму*, 2022, № 2, с. 60–77.
- [126] Сухова Н.Ю. «Дело протоиерея Герасима Павского»: проблема «Историзма» в русской библеистике. *Филаретовский альманах*, 2014, № 10, с. 88–107.
- [127] Благовидов Ф.А. *Обер-прокуроры Святейшаго синода в XVIII-м и в первой половине XIX столетия*. Казань, Типография Казанского университета, 1900, 449 с.
- [128] Самарин Ю.Ф. *Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники*. Москва, Университетская типография, 1844, 230 с.
- [129] Самарин Ю.Ф. *Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2*. Санкт-Петербург, Росток, 2014, с. 16–387.
- [130] Артемкин Д., свящ. Филарет (Гумилевский), свт. *Православная энциклопедия. Т. 72*. Москва, Православная энциклопедия, 2024, с. 242–248.

- [131] Филарет (Гумилевский), еп. *История русской церкви. В 5 т.* Москва, Университетская типография, 1847–1848.
- [132] Аксаков К.С., Аксаков И.С. *Избранные труды.* Москва, РОССПЭН, 2010, с. 227–251.
- [133] Бадалян Д.А. *Понятие «Земский собор» в произведениях литературы и публицистики славянофилов. История и литература.* Санкт-Петербург, Культурно-просветительское товарищество, 2017, с. 220–230.
- [134] Кузоро К.А. *Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII — начало XX в.).* Томск, Издательство Томского университета, 2011, 182 с.
- [135] Игнатий, архиеп. Воронежский, Задонский, архиеп. *История о расколах в Церкви российской.* Санкт-Петербург, Типография Е. Фишера, 1849, 352 с.
- [136] Григорий (Постников), митр. *Истинно древняя и истинно православная Христова церковь.* Санкт-Петербург, Типография Григория Трусова, 1854, 349 с.
- [137] Макарий (Булгаков), еп. *История русского раскола, известного под именем старообрядства.* Санкт-Петербург, Типография Королева и К°, 1855, 368 с.
- [138] Асмус В., прот. *Послание восточных патриархов. Православная энциклопедия. Т. 57.* Москва, Православная энциклопедия, 2020, с. 568–573.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крылов А.О. «Освященный собор»: к истории представлений о церковных соборах в России (Часть 1). *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN QSFYLC

Крылов Алексей Олегович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана, младший научный сотрудник Центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru

“The Consecrated Sobor”: On the History of Ideas about Church Sobors in Russia (Part 1)

© A.O. Krylov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia
Saint Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Moscow, 115184, Russia

The 10th to 18th centuries has been conducted. The idea of a “consecrated sobor” was proved to stand for not a representative body or governing institution, but the clergy as a whole. The “entire consecrated sobor” of the capital, headed by the Primate, could be convened for the governor’s sobor, but did not represent a distinct form of supreme church authority. The genealogy of the concept of “sobor” in 18th–19th centuries public thought was examined, showing how ideas about a church sobor in Russia were formed by Western European political theories, confessional polemics, and debates on national identity. The concept of a “sobor” as a representative institution, differing from the historical practice of 15th–17th century sobors was noticed to have formed by the 1850s. It is this construct, rather than actual historical institutions and practices, that later became the basis for criticism of the Synodal system as having lost the “sobornost principle.”

Keywords: consecrated sobor, church sobors, church-state relations, zemsky sobors, Peter’s church reform, Holy Synod

REFERENCES

- [1] Krylov A.O. Tserkovnaya reforma Petra I i teoriya sekulyarizatsii: ot publitsistiki k istoriografii [Peter I’s church reform and the theory of secularization: from journalism to historiography]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya — Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 2021, no. 3, pp. 22–46.
- [2] *Dukhovnyy reglament* [Spiritual regulation]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tipografiya, 1721, 48+17 p.
- [3] Edwards M. Synods and sobors. In: *The Cambridge History of Christianity. Vol. 2*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 367–385.
- [4] Nikodim (Milash), ep. *Pravila Pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami* [Rules of the Orthodox Church with commentaries]. Vol. 1. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii, 1911, 635 p.
- [5] Suvorov N.S. *Kurs tserkovnogo prava* [Course of church law]. In 2 vols. Vol. 1. Yaroslavl, Tipo-Litografiya G. Falk, 1889, 369 p.
- [6] Vascheva I.Yu. *Fenomen «Tserkovnykh istoriy» v epokhu Pozdney Antichnosti: Dis. ... d-ra istor. nauk* [Phenomenon of “Church histories” in the Late Antiquity. Doctoral dissertation in History]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2013, 789 p.
- [7] Asmus V., Kuzenkov P.V., Nikiforov M.V. et al. Konstantinopol’skie sobory [Sobors of Constantinople]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 37. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2015, pp. 299–343.
- [8] Andronov I.E. *Nostri Saeculi Novatores: mezkhkonnessional’naya polemika v zapadnoevropeyskoy tserkovnoy istoriografii XVI veka* [Nostri Saeculi Novatores:

- Interconfessional polemics in Western European church historiography of the 16th century]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Historia Publ., 2019, 464 p.
- [9] Perron A. The bishops of Rome, 1100–1300. In: *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 4. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 22–38.
- [10] Winroth A. The legal underpinnings. In: *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 4. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 89–98.
- [11] Wilhelm J. Councils. In: *Catholic Encyclopedia*. Vol. 4. New York, Robert Appleton Company, 1913, pp. 423–435.
- [12] Valliere P. *Conciliarism: A History of Decision-Making in the Church*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 289 p.
- [13] Sagovsky N. Conciliarity of the Church. *St Andrews Encyclopaedia of Theology*. Available at: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/ConciliarityoftheChurch> (accessed December 23, 2025).
- [14] Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovary drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. In 3 vols. Vol. 3. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1903, 1684 p.
- [15] Vovina-Lebedeva V.G. “Osvyaschennyy sobor” v istochnikakh XIV — nachala XVI vv. [“Consecrated sobor” in the sources of the 14th — early 16th centuries]. *Cahiers du Monde russe*, 2005, vol. 46, no. 1/2, pp. 387–396.
- [16] Tsapina O.A. Predstavleniya o sinodal'nosti, kollegial'nosti, sobornosti vo vtoroy polovine semnadsatogo — pervoy treti vosemnadsatogo vekov [Concepts of synodality, collegiality and sobornost in the second half of the seventeenth — first third of the eighteenth centuries]. In: *Tserkov i vlast: k 300-letiyu uchrezhdeniya svyateyshego sinoda v russkoy tserkvi* [Church and state: on the 300th anniversary of the establishment of the Holy synod in the Russian church]. Moscow, St. Tikhon Orthodox University of Humanities Publ., 2022, 248 p.
- [17] Pechnikov M.V., Ustinova I.A., Glakin A.K., et al. Novgorodskaya i Starorusskaya eparkhiya [Novgorod and Staraya Russa diocese]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2018, vol. 51, pp. 382–451.
- [18] Lut'ko E. Vozniknovenie klerikal'noy korporatsii na Zapade XI–XIII vv. i v Rossii XVII–XVIII vv. [Formation of the clerical corporation in Western Europe in the 11th–13th centuries and in Russia in the 17th–18th centuries]. *Sotsiologicheskoe obozrenie — Russian Sociological Review*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 300–320.
- [19] Florya B.N. *Issledovaniya po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [Studies in church history. Old Russian and Slavic middle ages]. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2007, 526 p.
- [20] Gaydenko P.I., Moskaleva L.A., Fomina T.Yu. *Tserkov domongolskoy Rusi: ierarkhiya, sluzhenie, nray* [The Church of pre-mongol Rus: Hierarchy, Service, Morals]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2013, 150 p.
- [21] Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. *Kormchaya kniga: ot rukopisnoy traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [The kormchaia book: from manuscript tradition to the first printed edition]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 494 p.
- [22] Gaydenko P.I. Sobor 1273 (4) goda v svete tserkovno-politicheskoy situatsii na Rusi: neskol'ko zamechaniy o nesostoyavsheysya kanonicheskoy reforme mitropolita Kirilla [The sobor of 1273 (4) in light of the church-political situation in Rus': some remarks on the unfulfilled canonical reform of metropolitan Kirill]. *Vestnik RHGA — RCAH Review*, 2014, pp. 229–239.
- [23] Savosichev A.Yu. Mitropolitichiy dvor v epokhu Ivana Groznogo [The metropolitan court in the era of Ivan the Terrible]. *Vestnik Voronezhskogo gosudar-*

- stvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2021, no. 4, pp. 71–77.
- [24] Savosichev A.Yu. Mitropolitichiy i patriarshiy dvor v kontse XVI — nachale XVII [The Metropolitan and Patriarchal Court in the Late 16th — Early 17th Centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — Herald of Voronezh State University. History, Political Science. Sociology*, 2023, no. 1, pp. 59–63.
- [25] Savosichev A.Yu. Dyaki v apparate upravleniya russkoy tserkvi v kontse XVI — nachale XVII vekov [Diaks in the Administrative Apparatus of the Russian Church in the Late 16th — Early 17th Centuries]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya — Herald of State and Municipal Administration*, 2023, no. 4, pp. 94–107.
- [26] Kapterev N.F. *Tsar' i tserkovnye moskovskie sobory XVI i XVII stoletiy* [The Tsar and the Moscow Church sobors of the 16th and 17th Centuries]. Moscow, LENAND Publ., 2015, 128 p.
- [27] Pavlov A.P. Tserkovnaya ierarkhiya v sisteme gosudarstvennoy vlasti Rossii i uchrezhdenie patriarshestva [Church hierarchy in the system of state power in Russia and the establishment of the patriarchate]. In: *Religion und integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert* [Religion and integration in Muscovite Russia. Concepts and practices, potentials and limits, 14th–17th century]. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2010, S. 65–79.
- [28] Usachev A.S. Khronologiya raboty Osvyashchennogo sobora Russkoy tserkvi v XVI v. [Chronology of the Work of the Consecrated Sobor of the Russian Church in the 16th Century]. *Istoriya — History*, 2023, vol. 14, no. 12, part I. Available at: <https://history.jes.su/s207987840028459-3-1/> (accessed December 24, 2025).
- [29] Ermilov P.V. Uchrezhdenie moskovskogo patriarshestva i Konstantinopol'skie sobory 1590 i 1593 gg. [Establishment of the Moscow Patriarchate and the Constantinople sobors of 1590 and 1593]. *Vizantiyskiy vremennik — Byzantine Chronicle*, 2019, vol. 103, pp. 153–178.
- [30] Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. In 7 vols. Vol. 6. Moscow, Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publ., 1996, 798 p.
- [31] Belyakova E.V. Ob otmene resheniy Sobora 1620 g. [On the Repeal of the Decisions of the 1620 Sobor]. *Istoriya — History*, 2019, vol. 10, no. 3. Available at: <https://history.jes.su/s207987840004671-7-1/> (accessed December 24, 2025).
- [32] Bulychev A.A. *Istoriya odnoy politicheskoy kampanii XVII veka* [History of a Political Campaign of the 17th Century]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 144 p.
- [33] Florya B.N. Brestskie sobory [Sobors of Brest]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 6. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2003, pp. 242–243.
- [34] Dmitriev M.V. *Mezhdru Rimom i Tsar'gradom: genezis Brestskoy tserkovnoy unii 1595–1596 gg.* [Between Rome and Constantinople: Genesis of the Brest Church Union, 1595–1596]. Moscow, Moscow University Publ., 2003, 319 p.
- [35] Bulyakov G.I., prot. *Zapadno-russkie pravoslavnye tserkovnye sobory, kak organy tserkovnogo upravleniya* [Western Russian Orthodox Church sobors as Organs of Church Administration]. Kursk, Eparkhial'naya tipografiya (Diocesan Press), 1917, 324 p.
- [36] *Sobornoe ulozhenie* [sobor Code]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyy dvor, 1649, 338 l.

-
- [37] Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [The sobor Code of 1649]. Moscow, Moscow University Publ., 1961, 414 p.
 - [38] *Kormchaya* [Kormchaia Book]. Moscow, Pechatnyy dvor, 1653, 787 p.
 - [39] *Skrizhal'* [Scripture]. Moscow, Pechatnyy dvor, 1655, 856 p.
 - [40] Lobachev S.V. *Patriarkh Nikon* [Patriarch Nikon]. Saint Petersburg, 2003, 416 p.
 - [41] Chumicheva O.V. Bolshoy Moskovskiy sobor [The Great Moscow Sobor]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 5. Moscow, Church Research Center "Orthodox Encyclopedia", 2002, pp. 679–684.
 - [42] Belyakova E.V. K izucheniyu istorii Soborov 1666 i 1666–1667 gg. [On the Study of the History of the 1666 and 1666–1667 sobors]. *Istoricheskiy kuryer — Historical Courier*, 2019, no. 2. Available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-05.pdf> (accessed December 24, 2025).
 - [43] Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva* [The Decline of the Moscow Tsardom]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, 604 p.
 - [44] Florya B.N. *Leksii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Moscow, Drevlehranilishche Publ., 2021, 544 p.
 - [45] Florya B.N., Afinogenov D.E., Zheltov M.S. *Vossoyedinenie Kievskoy mitropolii s Russkoy pravoslavnoy tserkov'yu, 1676–1686 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Reunion of the Kyiv Metropolis with the Russian Orthodox Church, 1676–1686: Studies and Documents]. Moscow, Church Research Center "Orthodox Encyclopedia", 2019, 911 p.
 - [46] Krylov A.O. Svt. Dimitriy Rostovskiy i evkharisticheskie spory v Rossii kontsa XVII v. [St. Dmitry of Rostov and Eucharistic disputes in Russia at the end of the 17th century]. In: *Russkoe bogoslovie: issledovaniya i materialy* [Russian theology: studies and materials]. Moscow, St. Tikhon Orthodox University of Humanities Publ., 2014, pp. 7–35.
 - [47] Vedyayev A.V., Gaydenko P.I., Ospennikov Y.V., Ustinova I.A. «K pokayaniyu i ispravleniyu»: sudy nad arkhieriyami v istorii i sovremennosti Russkoy tserkvi ["To repentance and correction": trials over bishops in the history and modernity of the Russian church]. Saint Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Press, 2023, 352 p.
 - [48] Panich T.V. Artemiev Petr. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 3. Moscow, Church Research Center "Orthodox Encyclopedia", 2012, pp. 467–468.
 - [49] Panich T.V. Dve redaktsii sobornogo opredeleniya po delu Grigoriya Skibinskogo (materialy k biografii pisatelya) [Two editions of the sobor decision on the case of Grigory Skibinsky (materials for the Biography of the Writer)]. In: *Vlast, obschestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv.* [Power, society and the individual in historical and literary sources of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 2012, pp. 110–134.
 - [50] Yastrebov A.O. Venezianskiy sled v zhiznennom puti igumena Palladiya Rogovskogo [The Venetian Trace in the Life Path of Abbot Palladius Rogovsky]. *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya — St. Tikhon's University Review. Series I. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2014, no. 4, pp. 9–28.
 - [51] Golikova N.B. *Politicheskie protsessy pri Petre I* [Political Processes under Peter I]. Moscow University Publ., 1957, 337 p.
 - [52] Kochegarov K.A. Sysk Grigoriya Talitskogo v 1700 g. [Investigation of Grigory Talitsky in 1700]. In: *Chelovek i vlast' v Rossii XVII–XVIII vekov: Sbornik statey k semidesyatyatiletiyu Evgeniya Viktorovicha Anisimova* [Man and power in Russia XVII–XVIII centuries: collection of articles]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2022, pp. 140–150.
-

- [53] Krylov A.O. Delo Dmitriya Tveritinova i politicheskaya bor'ba v Rossii nachala XVIII veka [The Case of Dmitry Tveritinov and Political Struggle in Early 18th Century Russia]. *Khristianskoye chtenie — Christian Reading*, 2025, no. 1, pp. 234–247.
- [54] Verkhovskoy P.V. *Uchrezhdenie dukhovnoy kollegii i dukhovnyy reglament* [Establishment of the spiritual college and the spiritual regulation]. In 2 vols., vol. 1. Rostov-na-Donu, Tipografii M.I. Gurmana i A.I. Ter-Abramyana, 1916, 686 p.
- [55] Akeliev E.V. O probleme dokazatelstv v istoricheskom issledovanii, ili Podozreval li Petr I patriarkha Adriana v svyazyakh s myatezhnymi streltsami? [On the problem of evidence in historical research, or did Peter I suspect patriarch Adrian of connections with rebel streltsy?]. *VIVLIOΘIKA*, 2023, vol. 11, pp. 241–270.
- [56] Bushkovich P. *Petr Velikiy. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great: struggle for power (1671–1725)]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, 542 p.
- [57] Andreev A.N. *Zapadno-khristianskie veroispovedaniya i obshchestvo v Rossii XVIII v.: Dis. ... d-ra istor. nauk* [Western christian denominations and society in Russia in the 18th century. Doctoral Dissertation in History]. Chelyabinsk, 2011, 712 p.
- [58] Krylov A.O. Feofan Prokopovich i Georgiy Dashkov: 1725–1735 gg. [Theophan Prokopovich and Georgy Dashkov: 1725–1735]. In: *Tserkov i vlast: k 300-letiyu uchrezhdeniya svyateyshogo sobora v russkoy tserkvi* [Church and power: on the 300th anniversary of the establishment of the Holy synod in the Russian church]. Moscow, St. Tikhon Orthodox University of Humanities Publ., 2022, pp. 151–182.
- [59] Krashenninnikova O.A. *Markell Radyishevsky — kritik soboral'noy reformy Russkoy tserkvi* [Markell Radyishevsky — critic of the synodal reform of the Russian church]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, 554 p.
- [60] Kurukin I.V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013, 430 p.
- [61] Stennik Yu.V. *Ideya “drevney” i “novoy” Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoy mysli XVIII — nachala XIX v.* [The idea of “old” and “new” Russia in literature and socio-historical thought of the 18th — Early 19th centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, 275 p.
- [62] Tanshina N.P. *Rusofobiya: Istoriya izobreteniya strakha* [Russophobia: The History of the Invention of Fear]. Moscow, Kontseptual Publ., 2023, 496 p.
- [63] Lishtenan F.-D. *Russkaya tserkov XVIII veka glazami zapadnykh nablyudateley: politicheskii i filosofskii aspekty* [The Russian church in the 18th Century by western observers' eyes: political and philosophical aspects]. In: *Evropeyskoye prosvetshenie i tsivilizatsiya Rossii* [European enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 77–84.
- [64] Nikanorova E.K. *Istoricheskiy anekdot v russkoy literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom* [Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: anecdotes about Peter the Great]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2001, 468 p.
- [65] Krotov P.A. “Podlinnye anekdoty o Petre Velikom” Ya. Shtelina v perevode A.A. Nartova — neizvestnyy pamyatnik russkoy slovesnosti XVIII veka [“Authentic anecdotes on Peter the Great” by Ya. Shtelin in the translation of A.A. Nartov — unknown monument of Russian literature of the 18th century]. *Nauchnyi dialog* (Scientific Dialogue), 2020, no. 9, pp. 235–249.
- [66] Vernadskiy G.V. *Russkoye masonstvo v tsarstvovaniye Ekateriny II* [Russian freemasonry during the reign of Catherine II]. Moscow, Lomonosov Publ., 2014, 272 p.

- [67] Minakov A.Yu. "Pravoye" masonstvo i russkiy konservatizm pervoy chetverti XIX veka ["Right" Freemasonry and Russian Conservatism of the First Quarter of the 19th Century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya — Via in tempore. History. Political Science*, 2010, no. 13, pp. 123–130.
- [68] Alekseev P.A., prot. *Tserkovnyy slovar* [Church dictionary]. Moscow, Pechatnya pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1773, 396 p.
- [69] Feliksov S.V. "Tserkovnyy slovar" protoiereya P.A. Alekseeva ["Church Dictionary" of Archpriest P.A. Alekseev]. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiya — St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 2009, no. 16, pp. 7–14.
- [70] Bagan V.V. Stanovleniye bogoslovskoy disciplini "kanonicheskoe pravo" v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XIX v. [Formation of the Theological Discipline "Canonical Law" in the Russian Orthodox Church in the 19th Century]. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg theological seminary*, 2022, no. 38, pp. 30–53.
- [71] Platon (Levshin), mitropolit. *Kratkaya rossiyskaya tserkovnaya istoriya* [Brief Russian church history]. In 2 vols. Moscow, 1805, 388+352 p.
- [72] Feofilakt Lopatinskiy, archiep. *Oblichenie nepravy raskol'nikeskiya* [Exposure of schismatic falsehood]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1745, 450 p.
- [73] Platon (Levshin), mitr. *Uveschanie k raskol'nikam s chinopolozheniem, kak prinimat' obraschayuschikhsya iz nikh k pravoslavnoy vere* [Admonition to schismatics with instructions on how to receive converts to the orthodox faith]. Saint Petersburg, Sinodal'naya tipografiya, 1765, 137 l.
- [74] Zhuravlev A.I., prot. *Polnoye istoricheskoye izvestiye o drevnikh strigol'nikakh i novykh raskol'nikakh, tak nazvannykh staroobryadtsakh, o ikh uchenii, delakh i razglasiyakh* [Complete Historical Account of Ancient Strigolniki and New Schismatics, So-Called Old Believers, on Their Doctrine, Affairs, and Controversies]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1795, 107 p.
- [75] Nikulin I.A., svyashch. *Preosvyaschennyy Ignatiy (Rimskiy-Korsakov), mitr. Sibirskiy i Tobolskiy* [Most reverend Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Yekaterinburg, Yekaterinburg Theological Seminary Publ., 2015, 312 p.
- [76] Morokhin A.V. *Arkhiepiskop Nizhegorodskiy i Alatyrskiy Pitirim. Tserkovnyy deyatel' epokhi peremen* [Archbishop Pitirim of Nizhny Novgorod and Alaty. A Church figure of the era of change]. Nizhny Novgorod, Knigi Publ., 2009, 271 p.
- [77] Pitirim, ep. *Praschitsa dukhovnaya* [Spiritual sling]. Saint Petersburg, Tipografiya Aleksandro-Nevskogo monastyrya, 1721, 410 p.
- [78] Wilson B. Counter-revolutionary thought. In: *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 9–38.
- [79] Toews J.E. Church and state: the problem of authority. In: *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 603–648.
- [80] Minakov A.Yu. "Pravoye" masonstvo i russkiy konservatizm pervoy chetverti XIX veka ["Right" freemasonry and Russian conservatism of the first quarter of the 19th century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya — Via in tempore. History and Political Science*, 2010, no. 13, pp. 123–130.
- [81] Minakov A.Yu. U istokov russkogo konservatizma: "Russkaya partiya" pervoy chetverti XIX v. [At the origins of Russian conservatism: "Russian party" of the first quarter of the 19th century]. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv — Tractus Aevorum: the Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*, 2014, no. 1, pp. 67–77.

- [82] Degtyareva M.I. Zhozef de Mestra i N.M. Karamzin [Joseph de Maistre and N.M. Karamzin]. *Sotsiologicheskii zhurnal — Sociological Journal*, 2003, no. 1, pp. 151–165.
- [83] Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskoy i grazhdanskoy otnosheniyakh* [Note on old and new Russia in its political and civil relations]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 125 p.
- [84] Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. In 12 vols. Saint Petersburg, Tipografiya N. Grecha, 1816–1829.
- [85] Maistre J. de. *Quatre chapitres inédits sur la Russie. Lettres à un gentilhomme russe sur l’Inquisition espagnole* [In Russ.: Mestr Zh.M. Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russkomu dvoryaninu ob ispanskoy inkvizitsii. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2007, 298 p.].
- [86] Khondzinskiy P.V., prot. “Tserkov' ne yest' akademiya”: *Russkoye vneakademicheskoye bogoslovie XIX veka* [“The church is not an academy”: Russian extra-academic theology of the 19th century]. Moscow, St. Tikhon Orthodox University of Humanities Publ., 2016, 480 p.
- [87] Sukhanov M. *Istoricheskoye issledovaniye o soborakh rossiyskoy tserkvi* [Historical study on the sobors of the Russian Church]. Saint Petersburg, Tipografiya Svyateyshego sinoda, 1803, 37 p.
- [88] Amvrosiy (Ornatskiy), arkhim. *Istoriya rossiyskoy ierarkhii* [History of the Russian hierarchy]. In 6 vols., vol. 1. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1807, 643 p.
- [89] Innokentiy (Smirnov), svt. *Nachertaniye tserkovnoy istorii: ot bibliyevskikh vremen do XVIII veka, v pol'zu dukhovnogo yunoststva* [Outline of church history: from biblical times to the 18th century, for the benefit of spiritual youth]. In 2 parts. Saint Petersburg, Tipografiya svyateyshego sinoda, 1817, 613 p.
- [90] Turchaninov N.P. *O soborakh, byvshikh v Rossii so vremeni vvedeniya v nuyu khristianstva do tsarstvovaniya Ioanna IV Vasilievicha* [On the sobors that existed in Russia from the time christianity was introduced there until the reign of Ivan IV Vasilievich]. Saint Petersburg, Tipografiya meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del, 1829, 154 p.
- [91] Bezhanidze G., Firsov A. “Svyaschennoye tsarstvo” Rossiyskoy imperii v epokhu modernizatsii: popytka kharakteristiki tserkovno-politicheskoy pozitsii mitropolita Filareta (Drozdova) [“Sacred kingdom” of the Russian empire in the era of modernization: an attempt to characterize the church-political position of metropolitan Philaret (Drozdov)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom — State, Religion, Church in Russia and Worldwide*, 2022, no. 40, pp. 273–305.
- [92] Jennings J. Constitutional liberalism in France: from Benjamin Constant to Alexis de Tocqueville. In: *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 349–373.
- [93] Guizot M. *Histoire de la civilisation en Europe*. Paris, Pichon et Didier, 1828, 529 p.
- [94] Butterfield H. *The Whig Interpretation of History*. London, G. Bell, 1931, 82 p.
- [95] Cherepnin L.V. *Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky sobors of the Russian state in the 16th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 417 p.
- [96] Ryleev K.F. *Dumy* [Thoughts]. Moscow, v tipografii S. Selivanovskogo, 1825, 172 p.
- [97] Miller A. *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or the power of myth]. Saint Petersburg, EUSPB Press, 2016, 146 p.
- [98] Minakov A.Yu. *Russkaya partiya v pervoy chetverti XIX veka* [The Russian party in the first quarter of the 19th century]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2013, 528 p.

-
- [99] Gayda F.A. “Pravoslaviye” v triade S.S. Uvarova [“Orthodoxy” in S.S. Uvarov’s triad]. *Vestnik PSTGU. Ser. II: Istoriya. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi — St. Tikhon’s University Review. Series II: History. Russian Church History*, 2021, no. 100, pp. 32–46.
 - [100] Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya. Ot traditsii k modernu* [The Russian empire: from tradition to modernity]. In 3 vols., vol. 2. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2018, 912 p.
 - [101] Kelley D. Historians and lawyers. In: *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 147–170.
 - [102] Rozenkampf G.A. *Obozrenie Kormchey knigi v istoricheskom vide* [Review of the kormchaya book in historical context]. Moscow, Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1829, 756 p.
 - [103] Kalachov N.V. *O znachenii kormchey v sisteme drevnego russkogo prava* [On the importance of kormchaya in the system of ancient Russian law]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1850, 128+80 p.
 - [104] Bezhanidze G.V. Svyatitel’ Filaret Moskovskiy i ober-prokuror Svyateyshogo sinoda N.A. Protasov [Saint Philaret of Moscow and the ober-procurator of the Holy synod N.A. Protasov]. *Vestnik PSTGU. Ser. II: Istoriya. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi — St. Tikhon’s University Review. Series II: History. Russian Church History*, 2025, no. 125, pp. 90–108.
 - [105] *Kniga pravil svyatykh apostol, svyatykh soborov vselenskikh i pomestnykh, i svyatykh otets* [Book of the rules of the holy apostles, ecumenical and local sobors, and the holy fathers]. Saint Petersburg, Sinodal’naya tipografiya, 1839, 456 p.
 - [106] *Ustav dukhovnykh konsistoriy* [Statute of spiritual consistories]. Saint Petersburg, Sinodal’naya tipografiya, 1841, 134+56 p.
 - [107] Gavriil, arkhim. *Ponyatie o tserkovnom prave i ego istoriya* [The concept of church law and its history]. Kazan’, Universitetskaya tipografiya, 1844, 32 p.
 - [108] Skvortsov I., prot. *Zapiski po tserkovnomu zakonovedeniyu* [Notes on church law]. Kazan’, Universitetskaya tipografiya, 1848, 266 p.
 - [109] Ioann (Sokolov), arkhim. *Opyt kursa tserkovnogo zakonovedeniya* [Course on church law]. In 2 vols. Saint Petersburg, Tipografiya E. Fishera, 1851, 515+593 p.
 - [110] Muraviyov A.N. *Istoriya rossiyskoy tserkvi* [History of the Russian church]. Saint Petersburg, Tipografiya III otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1838, 370 p.
 - [111] Bogdanova T.A. Muraviyov A.N. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia], vol. 47. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2017, pp. 662–672.
 - [112] Filaret (Drozdov), svt. *Beseda k glagolemomu staroobryadtsu o Stoglavnom sobore i o istinnom soglasii s pravoslavnoyu tserkviyu* [Conversation with the so-called old believer on the Stoglav sobor and true concord with the Orthodox Church]. Saint Petersburg, Tipografiya Svyateyshago Pravitelstvuyushchego Sinoda, 1836, 51 p.
 - [113] Rudnev N.A. *Rassuzhdeniya ob eresakh i raskolakh, byvshikh v russkoy tserkvi so vremen Vladimira Velikogo do Ivana Groznogo* [Discussions on heresies and schisms in the Russian church from the time of Vladimir the Great to Ivan the Terrible]. Moscow, Sinodal’naya tipografiya, 1838, 292 p.
 - [114] Yevgeniy (Bolkhovitinov), mitr. *Istoricheskoe obozrenie rossiyskogo zakonopolozheniya* [Historical review of Russian legislation]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Glazunova, 1826, CXXXI p.
 - [115] Nikiforova M.V. Ioann (Sokolov), ep. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia], vol. 23. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2010, pp. 446–452.
-

- [116] Vyskachkov L.V. Dva imperatora: obraz Petra Velikogo kak ideologicheskaya model' tsarstvovaniya Nikolaya I [Two emperors: the image of Peter the Great as the ideological model of Nicholas I's Reign]. *Russko-Vizantiyskiy vestnik — Russian-Byzantine Herald*, 2023, no. 1, pp. 130–145.
- [117] Badalyan D.A. Nemetskaya partiya v Rossii XIX v. i bor'ba vokrug nee v publitsistike, literature i muzyke [The German party in 19th-century Russia and the struggle around it in journalism, literature and music]. In: *Istoriya otechestvennoy kultury v arkhivnykh dokumentakh* [History of Russian culture in archival documents]. Saint Petersburg, Russian National Library, 2024, pp. 30–49.
- [118] Lazhechnikov I.A. *Ledyanoy dom* [The ice house]. In 4 parts. Moscow, A.S. Shiryayev Publ., 1835, 197+202+198+198 p.
- [119] Tamborra A. *Katolicheskaya tserkov i russkoye pravoslaviye* [The Catholic Church and Russian Orthodoxy]. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2007, 617 p.
- [120] Morrow J. Romanticism and political thought in the early nineteenth century. In: *The Cambridge History of Nineteenth-Century Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 39–76.
- [121] Khomyakov A.S. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols., vol. 2. Moscow, Medium Publ., 1994, 476 p.
- [122] Khondzinskiy P.V., Kyrlezhev A.I. Sobornost' v russkoy bogoslovskoy traditsii [Sobornost' in the Russian Theological Tradition]. *Voprosy teologii — Issues of Theology*, 2019, no. 3, pp. 427–440.
- [123] Gayda F.A. “Sobornost'”: k voprosu o ponimanii termina v obshchestvennykh krugakh Rossii v XIX — I chetverti XX vv. [“Sobornost'”: on the understanding of the term in Russian public circles in the 19th – first quarter of the 20th century]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 17–40.
- [124] Khondzinskiy P.V., prot. Sinodal'naya reforma i ekklesiologiya pervykh slavyanofilov: A.S. Khomyakova i Yu.F. Samarina [Synodal reform and ecclesiology of the first slavophiles: A.S. Khomyakov and Yu.F. Samarin]. *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie — St. Tikhon's University Review. Series I. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2011, no. 5, pp. 57–70.
- [125] Lebedev S., Lebedeva G. Narodnoe dvizhenie v Pribaltike za perekhod v “tsarskuyu veru” [Popular movement in the Baltics for transition to the “tsarist faith”]. *Tetrad po konservatizmu*, 2017, no. 2, pp. 60–77.
- [126] Sukhova N.Yu. “Delo protoiereya Gerasima Pavskogo”: problema “Istorizma” v russkoy bibleistike [“The case of archpriest Gerasim Pavsky”: the problem of “historicism” in Russian biblical studies]. *Filaretovskiy al'manakh*, 2014, no. 10, pp. 88–107.
- [127] Blagovidov F.A. *Ober-prokurory Svyateyshago sobora v XVIII-m i v pervoy polovine XIX stoletiya* [Ober-procurators of the Holy Synod in the 18th and first half of the 19th century]. Kazan', Tipografiya Kazanskogo universiteta, 1900, 449 p.
- [128] Samarin Yu.F. *Stefan Yavorskiy i Feofan Prokopovich kak propovedniki* [Stephan Yavorsky and Theophan Prokopovich as preachers]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1844, 230 p.
- [129] Samarin Yu.F. Stefan Yavorskiy i Feofan Prokopovich kak propovedniki [Stephan Yavorsky and Feofan Prokopovich as Preachers]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014, pp. 16–387.
- [130] Artemkin D., svyashch. Filaret (Gumilevskiy), svt. [Filaret (Gumilevsky), Bishop]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 72. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2024, pp. 242–248.

- [131] Filaret (Gumilevskiy), ep. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. In 5 vols. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1847–1848.
- [132] Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 227–251.
- [133] Badalyan D.A. Ponyatie “Zemskiy sobor” v proizvedeniyakh literatury i publitsistiki slavyanofilov [The concept of “Zemsky sobor” in literature and journalism of the slavophiles]. In: *Istoriya i literatura* [History and literature], Saint Petersburg, Kulturno-prosvetitel'skoe tovarischestvo, 2017, pp. 220–230.
- [134] Kuzoro K.A. *Tserkovnaya istoriografiya staroobryadchestva: vzniknovenie i evolyutsiya (vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.)* [Church historiography of old believers: emergence and evolution (second half of the 17th — early 20th century)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, 182 p.
- [135] Ignat'y, arkhiep. Voronezhskiy, Zadonskiy, arkhiep. *Istoriya o raskolakh v Tserkvi rossiyskoy* [History of Schisms in the Russian Church]. Saint Petersburg, Tipografiya E. Fishera, 1849, 352 p.
- [136] Grigoriy (Postnikov), mitr. *Istinno drevnyaya i istinno pravoslavnyaya Khristova tserkov* [Truly ancient and truly orthodox church of Christ]. Saint Petersburg, Tipografiya Grigoriya Trusova, 1854, 349 p.
- [137] Makariy (Bulgakov), ep. *Istoriya russkogo raskola, izvestnogo pod imenem staroobryadstva* [History of the Russian schism known as the old believers]. Saint Petersburg, Tipografiya Koroleva i K°, 1855, 368 p.
- [138] Asmus V., prot. Poslaniye vostochnykh patriarkhov [Epistle of the Eastern patriarchs]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], vol. 57. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2020, pp. 568–573.

Krylov A.O., Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Junior Research Fellow, the Center for the History of Theology and Theological Education, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru